

Аналитический Центр «Разумные Решения»
Analytical Center «Prudent Solutions»

**Аналитический сборник
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ»**

№ 3 2017

**Центральная Азия: основные события и тен-
денции 2016 - 2017 гг.**

©Аналитический Центр «Prudent Solutions» 2017

При поддержке:

Аналитический сборник «Международный Обозреватель» № 3 2017

Центральная Азия: основные события и тенденции 2016-2017 гг.

Под редакцией Молдобаева А.Э.

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1. Некоторые особенности внутренней и внешней политики Узбекистана на современном этапе.**
- 2. Военно-техническое сотрудничество Узбекистана и России.**
- 3. Визит президента Турции Р. Эрдогана в Узбекистан**
- 4. Узбекистан: новый президент и возможные изменения политики.**
- 5. Казахстан: гражданский протест как геополитическая провокация.**

Причины и предпосылки митингов, прогноз развития.

- 6. Отставка правительства и противостояние власти и оппозиции в Кыргызстане.**
- 7. Очередной теракт в Алматы и некоторые проблемы безопасности Казахстана**
- 8. Фактор политической трансформации власти в Казахстане.**
- 9. Вопросы перераспределения власти в Казахстане.**
- 10.Протесты нефтяников в Казахстане: некоторые особенности.**
- 11.Узбекско-турецкие консультации и перспектива развития отношений с Узбекистаном**

Некоторые особенности внутренней и внешней политики Узбекистана на современном этапе.

После смерти бессменного узбекского лидера Ислама Каримова с 90-го года в сентябре 2016 года, власть перешла к премьер-министру Шавкату Мирзияеву. Он же был утвержден на должности временно-го исполняющего обязанности президента, несмотря на то, что по Конституции президентское кресло переходит Спикеру парламента страны. Работа на посту премьер-министра с 2003 г. и практически постоянное присутствие Мирзияева возле И. Каримова, не выходя из его тени, обусловили медленно прогрессирующий рост влияния политика на процесс принятия решений и внутриполитический баланс сил в целом. Спикер Олий Мажлиса Узбекистана Нигматилла Юлдашев взял самоответственность. При этом, данный факт остается одним из главных аргументов, подтверждающим заведомый исход транзита власти в стране и является отправной точкой статьи. Президентские выборы назначены на 4 декабря 2016.

Как известно, с приходом к власти, Мирзияев приступил к масштабным кадровым перестановкам в государстве: был утвержден на должности первого вице-премьера Рустам Азимов, ответственный за макроэкономическое развитие страны; был вернут в высшие эшелоны власти, отстраненный ранее Абдулла Арипов и назначен на должность заместителя премьер-министра; мэр Ташкента Абдукаххар Тухтаев был переведен на должность хокима г. Джизака, а Асрор Кобилов был соответственно смешен с формули-

ровкой «из-за недостатков в работе».

Помимо расстановки своих людей на местах, Мирзияев стремится к внедрению популярных мер для роста своего политического рейтинга. Так, для демонстрации было осуществлено внедрение беспрецедентных для Узбекистана социально-экономических новшеств, корректировок во внутри- и внешне-политическом курсе государства, частичной либерализации законодательства и сложившейся практики взаимоотношений власти с населением. Так, вр.и.о. президента за свой короткий срок правления, сделал следующее:

- открыта виртуальная приемная, а жалобы, поступившие туда в количестве около 20 тыс. за первый месяц, по словам узбекского руководства, будут изучаться для последующего устранения всех недостатков;
- ratифицировал Конвенцию Международной организации труда «о свободе объединений и защите права на объединение в профсоюзы»;
- начал реформу судебно-правовой системы, согласно которой планируется расширение спектра полномочий и обязанностей судебной власти. Мирзияев в своей оценке деятельности судов страны признал, что вся судебная система работает только на обвинительные приговоры;
- подписал указ «О дополнительных мерах по обеспечению ускоренного развития предпринимательской деятельности, всемерной защите частной собственности и качественно-

му улучшению делового климата», что по задумке властей станет благоприятной основой для ведения бизнеса;

- пошел на сближение с соседними странами, в особенности с Кыргызстаном и Таджикистаном, отношения с которыми не отличались своей теплотой.

Отметим, что некоторые его поступки расцениваются как популистские и нацеленные на внешний эффект, к числу которых можно отнести частные поездки Мирзияева по Ташкенту в целях выяснения как работает то или иное госучреждение [1]. Сама его деятельность сопровождается довольно резонными аргументами: «настало время государственным органам служить народу, а не народу - государственным органам», - заявил в.р.о. президента Узбекистана 19 октября на партийном съезде Либерально-демократической партии. При этом, было сказано, что теперь с госчиновников будет повышенный спрос, а оценку его деятельности будет давать местное население. С другой стороны, как отмечает Мирзияев, для повышенного спроса будет необходимо предоставление служащим соответствующих условий, мотивирующих их на активную и позитивную деятельность. Во многом, это является одним из центральных тезисов программы Мирзияева, который на фоне общественных ожиданий относительно либеральных и социально-направленных реформ после авторитарного режима рассматривается как один из инструментов для привлечения голосов и внедрения популярных реформ.

Между тем, прочная связка Мирзияев – Иноятов дает основания полагать, что за внешними политическими декорациями лежит узбекская *realpolitik*, заключающаяся в переделе влияния между кланами. Кроме того, ввиду отсутствия И. Каримова, оба политика нацелены на частичное рейдерство обширной бизнес империи Каримовской семьи, в целях чего был возвращен криминальный авторитет Гафур Рахимов, имевший конфликт с Гульнарой Каримовой. Учитывая мягко говоря «натянутые» отношения Рахимова и Каримовой очевиден вероятный сценарий действия, к тому же поддержка первого предоставляет обширные возможности по контролю теневого рынка в Узбекистане и расширяет бизнес влияние новой команды. Во многом, контроль за финансовыми потоками является решающим фактором в определении политического доминирования в Узбекистане.

Относительно «потепления» отношений с Кыргызстаном и Таджикистаном очевидно, что новая власть стремится выяснить реакцию своих соседей на возможные изменения во взаимодействии. В отношении первого, отметим, что после назначения Мирзияева в.р.о. президента были отозваны узбекские силовики со спорной территории на кыргызско-узбекской границе (гора Ункур Тоо), которую узбекская сторона оккупировала в конце года, объявив ее своей территорией. По итогам визита кыргызской делегации в начале октября в г. Андижан, был подписан Меморандум о приграничном сотрудничестве, а созданная совместная межправительственная комиссия уже в конце октября предоставила первые резуль-

таты работы – были согласованы позиции по 49 участкам линии госграницы. Общая протяжённость киргизско-узбекской границы составляет 1 378 километров, из которых 371 км (что составляет 27%) остаются спорными. Разногласия вызывают 58 участков, 28 из которых расположены как раз на территории Ала-Букинского и Аксыйского районов.

Отношения между Ташкентом и Душанбе, которые обуславливаются отсутствием авиасообщения и действием с 2001 г. жесткого визового режима также переживают некоторые изменения: совершаются обмен визитами таджикских и узбекских делегаций; углубляется культурно-гуманитарное сотрудничество и обмен; подготовлен к подписанию проект соглашения о прямом авиасообщении.

Таким образом, на фоне изменившихся подходов Ташкента встает логичный вопрос: насколько далеко готов зайти Узбекистан в своем пересмотре отношений с Кыргызстаном и Таджикистаном? Ответ напрашивается сам собой – все зависит от готовности самих Кыргызстана и Таджикистана идти навстречу Ташкенту, а также поддерживать его настрой на позитивные изменения. При этом, Бишкеку и Душанбе не следует принимать эти инновации в региональной политике как своего рода ослабление узбекских позиций. Изменение практики взаимодействия в регионе зацикливается на Узбекистане, который выступает с позиции финальной инстанции региональных процессов. После победы на выборах Мирзияев с большей долей вероятности может изменить свою тактику в регионе и продолжить отталкиваться от жесткой постановки вопросов в международных отношениях. К примеру этому

может способствовать начало строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане, которая вызывает ряд опасений политического и экологического характера в Ташкенте. Создание прецедента в регионе по введению ГЭС и ущемлению, тем самым, интересов нескольких стран ниже по течению не может остаться без активного вовлечения узбекской дипломатии, а также других методов воздействия на соседний Таджикистан (Кыргызстан в том числе). С другой стороны, сама проблема водных ресурсов излишне политизированная, а большая часть подозрений исходит от узбекской стороны, которая видит в действиях своих соседей угрозу своих национальных интересов и социально-экономической, национальной, продовольственной безопасности. В этом случае убеждение узбекского руководства о нежелании причинения какого-либо ущерба страной верховья должна сопровождаться реальными гарантиями Душанбе и Бишкека, одними из которых могло бы стать подписание двух водных конвенций – беспрецедентный шаг для интересов таджикской и кыргызской сторон.

Означает ли демонстрируемое сближение со своими соседями изменение региональной стратегии Узбекистаном? Скорее всего нет, чем да. Это объясняется следующими факторами. При Каримове Узбекистан всегда занимал твердую, жесткую и «силовую» позицию в вопросах отношений со своими соседями. Именно такое поведение, по мнению Каримова, должен был демонстрировать региональный гегемон с крупнейшим в Центральной Азии населением и мощной армией. Такой имидж соответствовал реальной ключевой роли Узбекистана в до-

стижении стабильности в регионе, усилиями которого не было допущено бурное развитие религиозного экстремизма в Ферганской долине в силу соседства с неспокойным соседом в лице Афганистана. Организованные гонения узбекскими силовиками всех возможных дестабилизирующих элементов (от внутренней оппозиции до священнослужителей, боевиков и сторонников радикальных идеологий) во времена Каримова обуславливает на сегодня их многочисленность, реваншистский настрой этих сил, а также наличие стоящих за ними внешних сил. Таким образом послабление позиций на региональной арене, а также чрезмерная либерализация внутреннего политического пространства новым узбекским руководством чревато в среднесрочной перспективе проникновением этих сил в социально-политические процессы, склонением на свою сторону симпатизирующих слоев общества, возможностью конкурентного влияния на процесс принятия решений. Во-вторых, было бы разумно предполагать изменение тактики как таковой, но не стратегии. Очевидно, что специфика региональной политики в Центральной Азии наиболее подходит под неореалистическое понимание системы международных отношений, где национальный интерес и сила ставятся во главу угла, а их достижение является приоритетной задачей любого государства. Исходя из этого утверждения, смена силового метода давления на поощрительный метод взаимодействия, могло бы принести определенные результаты и сдвиги в застоялых межгосударственных проблемах ЦА. Однако подобные действия целиком зависят от феномена «дilemma безопасности», который предполагает априори отсут-

ствие доверия в межгосударственных отношениях, которая по нашему мнению является ключевым аспектом отношений в ЦА.

Тем не менее, главным вопросом остается внешнеполитическое поведение нового руководства в отношении главных геополитических акторов в регионе: США, России, Китая. Каримов всегда стремился обеспечить равноудаленность геополитических векторов от Узбекистана, отдавая предпочтение реальному взаимодействие по инфраструктурным проектам. При этом, многовекторность Ташкента времен Каримова отличалась резкими поворотами своей внешней политики: от России к США и наоборот, а также отказом от участия в каких-либо союзах. Несмотря на непредсказуемость узбекского руководства в отношениях со своими внешними партнерами, такая тактика приносила свои плоды Каримову и являлась отличительной чертой Ташкента. На сегодня, нужно понимать, что Узбекистан вовлечен по крайней мере в два из трех геополитических проекта: американский «Новый Шелковый Путь» и китайский «Экономический пояс Шелкового Пути» и, по всей видимости, это будет требовать большей податливости от команды Мирзияева.

Того же будет ждать и Кремль, так как российские проекты в лице ЕАЭС, ОДКБ и т.д., по каримовскому наследию остаются за бортом внешнеполитического охвата Ташкента. По нашему мнению, новая команда будет придерживаться философии Каримова, но в своих действиях будет больше напоминать Назарбаевский внешнеполитический стиль, основанный на более рациональном подходе и позволяющий более грамотно использовать все направле-

ния сотрудничества. Мирзияев единожды упоминал, что никакого членства в военно-политических блоках от Узбекистана ждать не стоит, но исходя от современных реалий, Ташкент все же будет вынужден наполнять содержанием основные векторы внешней политики.

Между тем, Мирзияева необходимо уже рассматривать как триумфатора президентской гонки, так как соперниками премьера являются выдвиженцы от провластных партий: Партия «Адолат» выдвинула Наримана Умарова; Народная демократическая партия — Хотамжона Кетмона; Партия «Милли Тикланиш» выдвинула Сарвара Отамурадова. Эти политики за исключением последнего уже участвовали в прошлых выборах в 2015 году, являясь соперниками президента Ислама Каримова и не набрав более 3-3,5% голосов. Аналогичный сценарий ожидается и на выборах в декабре 2016 г., а характер их хода, по всей видимости, будет сводиться к формальной процедуре утверждения Мирзияева на политическом Олимпе Узбекистана. Создаваемая сегодня конфигурация реформирования и либерализации политического пространства не соответствует политической системе Узбекистана с жесткой вертикалью власти, в связи с чем в среднесрочной перспективе после установления повсеместного контроля Мирзияевым и его приближенными в стране, необходимо ожидать возрождение каримовских методов правления.

Одной из главных интриг на сегодня остается вопрос о возможности конфликта интересов между Иноятовым и Мирзияевым в переделе собственности в государстве после того как последний станет президентом и сконцентрирует полноту власти в своих руках. Таким образом

коллективное правление осуществляющее на сегодня и консолидирующее политические элиты станет главной линией политического разлома Узбекистана и станет «ахиллесовой пятой» не только самой республики, но также Ферганской долины и, соответственно, аспектов региональной безопасности ЦА.

Военно-техническое сотрудничество Узбекистана и России.

Двусторонние отношения Москвы и Ташкента на протяжении последних 15 лет переживали не одно потрясение и в целом основывались не на прагматичном сближении двух взаимозависимых во многих аспектах государств, но на авторитарных решениях узбекских и российских властей.

Так, несмотря на договоренности, предусматривающие углубление кооперации в этой и других сферах (Договор «Об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан» от 30 мая 1992 г., Договор между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан «О сотрудничестве в военной области «от 2 марта 1994 года, Договор «О коллективной безопасности» от 15 мая 1992 года и Протокол между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан «О сотрудничестве в военной сфере»), геополитическая конъюнктура носила ключевое значение.

Так, жесткая политика Ислама Каримова в отношении своих главных геополитических центров притяжения России и США всегда отличалась кардинальными разворотами из одной стороны в другую во времена заморозки с противоположным полюсом. В конце 90-х гг. в силу сближения Ташкента с США и НАТО в 1999 г., будучи одной из сторон создавшей ОДКБ, Узбекистан старался держаться в стороне от интеграционных региональных инициатив и

приостановил свое участие в организации, но присоединился к Организации за демократию и экономическое развитие – ГУУАМ (являлся членом с 1999 г. по 2005 г.), в последующем ГУАМ. Россия для того, что бы привлечь Узбекистан обратно в лоно ОДКБ выделила в 2001-2002 гг. 50 единиц БТР-80, однако этот реверанс не принес результатов.

Политика США в регионе ЦА и Афганистане, по всей видимости, не приводили к удовлетворению узбекской стороны, в связи с чем, Ташкент пошел на сближение с Россией, подписав договор «О стратегическом партнерстве» в 2004 г. в ходе официального визита Каримова в РФ. В 2005 г. после событий в Андижане и резкой критики западного сообщества относительно прав человека в стране, Ташкент вывел иностранные авиабазы в одностороннем порядке и в 2006 г. опять выразил желание к сотрудничеству в рамках ОДКБ, вероятно осознавая необходимость восполнения того вакуума, оставшегося после выхода иностранного военного контингента.

На первоначальном этапе возобновления военного сотрудничества между Ташкентом и Москвой, стороны инициировали активное взаимодействие в области модернизации и реформирования вооруженных сил Узбекистана незначительными поставками военно-технической помощи из России, были выделены дополнительные квоты на обучение узбекских военных в России, к тому же по договоренности оборонных ведомств назначались ежегодные военные учения сил ВВС и ПВО на полигоне «Ашулук» в Астраханской области.

Тем не менее, формат сотрудничества не носил полноценного характера в военно-политических вопросах и скорее сводился к формальному членству Узбекистана. Это было обусловлено несогласием Каримова политикой Кремля и передачи власти Медведеву, неспособного по мнению Ташкента оказывать продолжение жесткого стиля правления. В конце концов это привело к тому, что в 2011 г. устами белорусского президента Лукашенко с намеком на Узбекистан был озвучен призыв «определиться в отношении членства» и в 2012 г. Узбекистан снова приостановил свое участие в ОДКБ. Экспертное сообщество склонно было считать, что этот разворот был продиктован сближением Вашингтона и Ташкента, предметом которого стало углубленное сотрудничество по Афганистану и крупная материально-техническая помощь Пентагона Ташкенту на более чем 1 млрд. долл. США.

С другой стороны, нужно понимать, что создание Коллективных Сил Оперативного Реагирования (КСОР), способных быстро дислоцироваться в места возможных конфликтов на территории стран-участниц ОДКБ не входило в интересы Каримова, опасавшегося иностранного вторжения при возможности. Именно поэтому, Узбекистан отказался от подписания соглашения по КСОР на общих условиях, выдвигая свои требования. Обособленная позиция Ташкента была особенно заметна при второй революции 2010 г. в Кыргызстане и Ошских событий, отличившихся массовым кровопролитным межэтническим

противостоянием в Ферганской долине. Узбекистан выступал против ввода миротворческих сил и в свою очередь не стал вмешиваться во внутренние дела Кыргызстана, хотя узбекское население в г. Ош было под угрозой массовой расправы.

Между тем, российско-узбекское военное сотрудничество формально имеет место быть, но фактически находится на низком уровне. Во многом это объясняется тем, что политика Кремля отличается своей инерционностью и основывается на уверенности, что после вывода США своих войск из Афганистана и региона в целом у Узбекистана не будет другого пути как вернуться к полноценному сотрудничеству с Москвой. В следствие чего, Кремль не навязывает Ташкенту свою волю и держит ее под постоянным мониторингом. Во многом такая философия приносит свои плоды. Узбекистан географически зависит от России и несмотря на свою обширную армию имеет серьезные проблемы с модернизацией вооружения.

Тем временем технологии, опыт и класс российских ВС и российского ВПК в целом, делает его главным ориентиром в этой сфере не только для Ташкента, но СНГ и других стран Евразийского континента. Так, взаимодействие носило поступательный характер с 2005 г., когда впервые было проведено совместное учение антитеррористических ВС на горном полигоне «Фориш» в Джизакской области. Годом позже аналогичные учения прошли в Краснодарском крае. В этом же году, военно-техническое сотрудничество России и Узбекистана расширилось за счет предоставления российским

оборонным ведомством возможности технического обслуживания узбекских ВВС Уральским оптико-механическим заводом. Был отремонтирован ряд тяжелых военно-транспортных самолетов АН-12, а в 2007 г. была достигнута договоренность о поставках российских ЗРК «Стрела» и «Игла».

Отметим, что двустороннее взаимодействие в авиационной сфере является наиболее активным и не ограничивается ремонтными работами. В 2007 г. на Ташкентском авиационно-производственном объединении им. Чкалова планировалось собирать самолеты-разведчики на базе Ил-114, в связи с чем, была подписана договоренность об интеграции Ташкентского авиапредприятия с российской Объединенной авиастроительной корпорацией. 50% акций +1 Ташкентского предприятия должны были отойти российской стороне, однако в силу различных причин этого не произошло. В 2012 году Ташкентское авиационно-производственное объединение им. Чкалова было переименовано и переориентировано.

В настоящее время действует совместное российско-узбекское предприятие «УзРосАвиа», которое появилось на основе межправительственного соглашения в 2007 г. и занимается ремонтом и сервисным обслуживанием боевых вертолетов Ми-8 и Ми-24. Соучредителями совместного предприятия с российской стороны выступает ОАО «Оборонпром», ОАО «Новосибирский авиаремонтный завод» и ФГУП «Рособоронэкспорт», с узбекской стороны выступает Ташкентский механический завод и

предприятие «Узмехсусимпекс». 4 декабря 2009 г. ОАО «Вертолеты России» и «УзРосАвиа» подписали в Москве соглашение о принципах сотрудничества в области технического обслуживания и ремонта вертолетной техники российского производства. Что же касается сухопутных войск и мотострелковой военной техники, то Узбекистан на сегодня укомплектован американской техникой в виде бронемашин «Ошкош», «Кугар» и «Макс Про», оставленные Пентагоном в рамках программы «Excess Defense Articles» по раздаче военного имущества, задействованного в Афганистане. Однако прагматичный взгляд позволяет расценивать это как плату Вашингтона за лояльность, а не оснащение узбекской армии по западному стандарту.

После прихода к власти Ш.Мирзияева и объявленного курса на большую открытость, официальный Ташкент идет на сближение с различными внешнеполитическими векторами, несмотря на их принципиальное противопоставление во времена Каримова. Россия и Узбекистан подписали Договор «О развитии военно-технического сотрудничества и план двустороннего сотрудничества между военными ведомствами». Анализ документа показывает, что Договор ставит главной своей целью модернизацию ВС, взаимные поставки вооружения и военной техники для чего обговариваются порядок, механизмы, ответственные стороны осуществления поставок. Учитывая секретность продукции военно-промышленного комплекса, Договор предусматривает регулирование и этого аспекта,

который поддерживается Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о взаимной защите секретной информации от 31.10.03. Подготовительным шагом для этого Договора, по нашему мнению, необходимо считать подписанное двумя странами Соглашение «О взаимодействии при осуществлении экспорта военного назначения в третьи страны» от 26.04.2016. Оно регулирует возможный бесконтрольный реэкспорт российского вооружения Узбекистаном (среди возможных стран рассматриваются Пакистан, Афганистан, Индия и др.).

Другой ракурс военно-технического соглашения позволяет полагать о возможном политическом сближении двух стран, что конечно должно быть подтверждено дальнейшим развитием межгосударственных связей. Нормализация отношений с Узбекистаном выгодна России и она готова подкреплять это оборонными контрактами, а также предоставлением на партнерской основе дополнительных контрактов из Китая, Индии и стран Юго-Восточной Азии по ранее работавшему принципу. Российская сторона знает свои сильные стороны и стремится их использовать, однако не уверена в предсказуемости нынешнего режима: Мирзияев потенциально способен придерживаться курса своего предшественника И. Каримова. Анализ показывает, что Кремль будет осторожно использовать ЕАЭС в качестве конечной цели в переговорах с Узбекистаном и намекать на взаимозависимость режимов нац.

безопасности, экономического пространства и региональной стабильности. Главным актуальным козырем является исламский фактор, который Ташкент уже не в состоянии контролировать (судя по количеству боевиков-узбеков в ИГ) и вопрос сепаратизма. Ожидаемо также и то, что российская сторона может предпринять маленькую диверсию в Каракалпакстане, который после событий на Украине силами оппозиционных движений под лидерством «Алга Каракалпакстан» говорит о притязаниях на независимость. Было бы довольно логичным если эта диверсия случилась ранее масштабных запланированных Западом мероприятий в целях: вызова адекватно жесткой реакции Ташкента по нейтрализации деструктивных элементов, предотвращения создания зоны боевых действий, прекращения сближения по линии Узбекистан-США-НАТО и вычленения российского вектора в качестве главного по обеспечению региональной/национальной безопасности. При этом, Москва будет поддерживать установление предсказуемого авторитарного режима, который близок ей по духу и более прост в достижении договоренностей. В этой связи наращивание военно-технического потенциала нужно рассматривать как первостепенный шаг для установления дружественного и стабильного режима, показателем силы власти и устрашения политических противников. Экономически Узбекистан не нуждается в российском векторе, который сам по себе разворачивает свои нефтегазовые потоки в сторону Китая, но никакая сторона кроме

России не сможет обеспечить Узбекистан качественным и ремонтопригодным в центральноазиатских условиях вооружением.

Касательно региональной политики, Россия стремится вернуть себе роль наднационального наблюдателя, что рассматривается логичным в условиях роста экстремистской идеологии, междунациональной конфликтогенности и актуализации водно-энергетического вопроса (начало строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане) в Ферганской долине. Может показаться как минимум нецелесообразно делать военно-технические вливания в нестабильный регион, но цель Москвы заключается в следующем – использовать гегемонистские устремления Узбекистана в регионе и сыграть на его престиже, что в свою очередь будет гарантировать поддержание того же уровня безопасности какой наблюдался при Каримове. Очевидно, что без сильного Узбекистана регион является очень уязвимым. К примеру, наиболее слабым звеном является Кыргызстан и уверенности в преемственности власти после президентских выборов в 2017 г. у его партнеров нет. Ташкент, как в отношении деструктивных социальных вызовов, так и в отношении определенных вопросов политической природы в состоянии локализовать и пресекать их развитие на региональный уровень. Другими словами, Кремль проводит разделение полномочий в ЦАР, в которой Узбекистану отводится главная роль при успешном установлении диалога с командой Мирзияева.

Таким образом, исходя из предположения, что с приходом Ш. Мирзияева устоявшаяся политическая система может претерпеть незначительные изменения, но в рамках более отдаленной перспективы, на сегодня необходим постоянный мониторинг за процессами, протекающими в стране и военно-технической и военно-политической сфере в особенности. Конфликт геополитических парадигм в мире выявляет гонку вооружений, которая идет на второстепенном плане идеологической войны. Однако именно военно-техническая отрасль является главным показателем расположленности к сотрудничеству во внешней политике.

Визит президента Турции Р. Эрдогана в Узбекистан.

Президент Турции Реджеп Эрдоган 17 ноября 2016 посетил Узбекистан, где провел переговоры с исполняющим обязанности президента республики Шавкатом Мирзияевым. Визиту придавалось большое значение в силу кризиса двусторонних отношений. Обе стороны шаг за шагом углублялись во внешнеполитические демарши: Турция укрывала и отказывалась выдавать Мухаммада Салиха, узбекского оппозиционера и противника Ислама Каримова; Ташкент также резко выступил в конце 90-х относительно турецкого капитала в стране, были закрыты все узбекско-турецкие лицеи Хизмета; культурно-религиозные деятели были подвергнуты арестам и гонениям. С тех пор Ташкент и Анкара не демонстрировали сближения по политическим вопросам.

Самый часто задаваемый вопрос: для чего Эрдоган поехал в Узбекистан, страну отношения с которой уже давно не поддерживались должным образом?

Во-первых, Турция вынуждена идти на сближение первой. Широкое оппозиционное движение, которое было продемонстрировано в ходе летней попытки госпереворота заставляет Эрдогана менять акценты и искать альтернативные пути развития внешнего сотрудничества. Находящийся в Пенсильвании опальный лидер мощнейшей сети «Хизмет» Фетхуллах Гюлен, которого власти обвинили в организации попытки переворота, выступает против политики Эрдогана и его партии ПСР в Турции, лоббирует анти-

эрдогановские интересы по всему миру.

Во-вторых, натянутые отношения с Западом, которые резко охладели после того, как Эрдоган начал преследовать оппозиционные политические силы и приступил к массовым политическим репрессиям, привели к системному кризису межгосударственных отношений и переориентации Турции на Восток. Турция ранее изъявлявшая большое желание стать частью Европейского Союза отворачивается от западного направления в целом. Безусловно, pragматичный взгляд на текущие процессы оставляют пространства для скепсиса относительно разрыва политической координации по линии Турция – ЕС, но поддержка Россией политической линии Анкары несмотря на конъюнктурность хода доказывает свою эффективность. Желание вернуть смертную казнь показывает радикализацию режима Эрдогана и его трансформацию в авторитарный, назло либеральным западным ценностям.

В-третьих, аналогичные процессы наблюдаются и в отношении США.

В-четвертых, это дает основания для Анкары смотреть в сторону России и ее тюркоязычных сателлитов, среди которых Узбекистан является самым густонаселенным и мощным.

Таким образом, очевидно, что для Турции этот внешнеполитический разворот является довольно щепетильной темой в силу нескольких причин. Анкара на протяжении 30 лет пыталась вступить в ЕС (первая заявка на вступление была подана в 1987 г.), в связи с чем была вынуждена идти на уступки вопреки национальным интересам по

курдскому, кипрскому, израильскому вопросам, а также по либерализации внутреннего законодательства по внедрения ряда ключевых демократических ценностей. При этом, всегда заявлялось, что курс на интеграцию с ЕС является приоритетным. Параллельно очень активно развивалось партнерство с блоком НАТО, в котором Турция занимает второе место после США по численности военнослужащих. С другой стороны, анализ ближневосточной политики США показывает, что именно Вашингтон несмотря на поддержку Турции по некоторым военно-политическим вопросам является стороной, одновременно поддерживающей Израиль в качестве турецкого (и не только) противовеса, а также регулярно выступает с инициативой признания геноцида армян в Османской империи. Во многом эти шаги вызывают сильное раздражение Турции, однако эти моменты компенсировались материально-технической составляющей до определенного времени.

Между тем, создание либеральным мировым сообществом вокруг Турции пояса напряженности привело к нагнетанию социально-политических вопросов (массовые протесты против власти на протяжении последних нескольких лет), широкой волны сирийских и иракских беженцев (большинство из которых курды), а также радикализации приграничных районов с Сирией и Ираком. К тому же дипломатический скандал Турции с Россией по поводу сбитого самолета оставил Анкару без реальных союзников в изменяющейся системе

международных отношений, где основные роли отведены двум полюсам турецкой политики США и России. Сопряжение интересов Кремля и Анкары по Сирии, регионе в целом, дало почву для размышления турецкому МИДу над сменой внешнеполитических приоритетов.

Россия, лишенная ценностей западных демократий и наделенная совершенно иной шкалой политических приоритетов, доставшейся ей в наследство от СССР и ставящей во главу угла политическую стабильность (несмотря на то какой ценой она достигается), жесткую вертикаль власти и свой взгляд на глобальное мироустройство, импонирует современному политическому режиму Турции. С другой стороны у Анкары мало альтернатив: сближение с американским сателлитом КСА или очередное свержение на Ближнем Востоке авторитарного режима (в данном случае турецкого) в угоду демократического развития. В этой связи, связка Турция – Россия рассматривается как наиболее логичная и расширяющая зону охвата геостратегических интересов.

Отметим, что в случае сближением Турции и Узбекистана, Анкара ведет тонкую дипломатическую игру: сближается с родственной в культурно-историческом плане страной в своих интересах; делает это не в обход России, считающей ЦА зоной своего влияния; оставляет задел на долгосрочную перспективу на свое пантюркистское лидерство в мире. Трезвый взгляд на вещи, тем не менее, показывает, что присоединиться к уже существующему и готовому

объединению намного проще в отношении затраченных материальных средств, чем создавать новое под своим началом. Турция не в том положении, что бы стать полноценным интегратором не самого успешного в экономическом плане тюркского мира. Однако геополитические аспекты, по нашему мнению, являются главным лейтмотивом для обеих сторон в реанимации отношений. При этом, остальные аспекты являются второстепенными и дополняющими. Так, Узбекистан в качестве бонуса за свое согласие получает дополнительный вектор торгово-экономического сотрудничества и дополнительные финансовые вливания в транспортный, потребительский, экономику, Турция в свою очередь, помимо открывавшихся новых рынков для сбыта своей продукции и сближающих Анкару и Ташкент антигюленовских действий, рассчитывает на поддержку Ташкента своих внешнеполитических инициатив:

В первую очередь, это поддержка Анкары в вопросе преследования Гюлена. Ташкент обладает солидным политическим весом для того, что бы рекомендовать региональным партнерам консолидировать свои усилия против деструктивного религиозного влияния Хизмета. По линии спецслужб и правоохранительных органов турецко-узбекское взаимодействие намерено вскрыть главные региональные ячейки «фетхуллаховцев». По нашему мнению, закрытие сетей турецких лицеев и супермаркетов «Туркуаз» является лишь начальным шагом для дальнейшего компрометирования

гюленистов для их преследования в Узбекистане, первыми из которых являются крупные застройщики, промышленники и текстильщики. Кыргызстан и Казахстан являются центрами развития Хизмета в ЦА, а сравнительно либеральные подходы властей и снисходительное отношение к турецким инвесторам позволяют широкой сети разрастаться не только в образовательном, предпринимательском аспектах, но также и в политическом направлении. В высших эшелонах власти в Казахстане и Кыргызстане в правительствах и парламенте уже присутствуют «гюленисты», которые действуют в интересах Хизмета при необходимости. Выстраивание системы «государство в государстве» не в интересах Анкары, в связи с чем, Турция намерена возглавить борьбу с «гюленистами» на всех направлениях. Ожидаемы политические провокации, которые поставят под сомнение целесообразность нахождения Хизмета в регионе. Как представляется, Анкара хочет что бы Узбекистан был в курсе подобных событий и более того, мог оказать посредническое содействие по удалению Хизмета из ЦА. На фоне объявленной войны против Гюлена по аналогии тактики Вашингтона в 2001 г. (против Бен Ладена и мирового терроризма, объединившего главные геополитические центры в едином направлении) Анкара будет пытаться повторить это, но в более скромных масштабах. Таким образом, визит Эрдогана в Узбекистан необходимо рассматривать как первую попытку в укреплении Турции в ЦА.

Очевидно, что Узбекистану будет предложено со стороны США,

России и Китая углубление одностороннего взаимодействия в ущерб остальным векторам, что в условиях полярности современной системы международных отношений довольно логичный шаг. Эрдоган своим визитом намерен втиснуться в этот круг и «забронировать» небольшое место в центральноазиатской политике до серьезной игры. К тому же, pragmatичность внешней политики больших держав отражается в способности «проплачивать» выгодные политические решения. Турция, по всей видимости, намерена идти таким же путем в ЦА, отдав в качестве главного откупа имущество Хизмета.

Большой акцент Турция будет ставить на религиозном аспекте и, как представляется, продвигать модель турецкого ислама в регионе, демонстрируя свою приверженность умеренным взглядам. Борьба с ИГИЛ и обвинение Запада в его поддержке демонстрирует показывает начало этого процесса. Раздраженность европейскими и американскими партнерами компенсируется турецко-российским сближением, которое может дополнять российские интересы по превентивному реагированию на определенные вызовы безопасности в ЦА. Узбекистану в этом процессе отводится самое приоритетное значение.

В этой связи, по нашему мнению необходимо ждать активизации Узбекистана на турецком направлении. При этом, это предположение подтверждается фактом того, что новое pragmatичное руководство Узбекистана не совсем осознает какой оптимальный

внешнеполитический курс нужен стране, что бы исключить излишнее влияние извне и тем временем обеспечить качественное развитие в *внешних политических и экономических связей*. Исходя из этого, Ташкент объявляет о курсе сближения с основной частью возможных партнеров и будет оценивать перспективы взаимодействия, сводя к минимуму ненужные. С другой стороны, Узбекистану турецкий вектор сотрудничества позволит сбалансировать политическое влияние Израиля и Саудовской Аравии.

Между тем, Узбекистан всегда имел свой взгляд на региональные процессы. В этом случае, Ташкент займет выжидательную позицию, взвешивая турецкое предложение в экономическом и политическом аспекте. При этом, вряд ли какие-либо практические шаги будут делаться до окончательного утверждения Мирзияева на посту. Втягивание Ташкента в довольно непростую игру с несколькими неизвестными, по всей видимости, не найдет полной поддержки узбекских властей, хотя определенные шаги будут все же сделаны. Мирзияев является прямым исполнителем Каримова по установлению маятниковой внешней политики, наблюдаемой с конца 90-х гг. и ее продолжение вполне ожидаемо. Большинство внешнеполитических инициатив будет связано с непременным условием по обеспечению внешней поддержки позиций Ташкента в водно-энергетическом вопросе ЦА. Несмотря на заявленное сближение Узбекистана со своими соседями, вопрос наличия достаточного

количества водных ресурсов будет жизненно важным для страны.

Вопрос возможного сближения Турции и Узбекистана вскрывает также другой пласт, если смотреть на это с позиции тех же Казахстана и Кыргызстана, где «гюленизация» наблюдается на высоком уровне. Гипотетически ребрендинг турецких лицеев со сменой не их формата деятельности, которая позитивно воспринимается обществами этих стран, но только руками ведущими в верхушки и профессорско-преподавательского состава возможен, но куда более трудней дела будут обстоять с мощной бизнес поддержкой (отечественной и турецкой) этих лицеев. И если Казахстан в силу специфики политического режима и при наличии достаточного количества компрометирующих Хизмет фактов может пойти на ужесточение господходов к организации Гюлена, то Кыргызстан в этом плане остается далеко позади, что дает определенное пространство для маневров Анкаре и Ташкенту.

Так, доподлинно известно, что Гюлен питает большие надежды с президентскими выборами в Кыргызстане в 2017 г. и негласно через представителей турецкого бизнеса поддерживает ряд политических сил в стране, причем под фокусом его интересов находятся сразу несколько функционеров как из действующей власти, так и оппозиции и представленной/непредставленной в парламенте. Учитывается также региональный фактор: Север-Юг. В качестве ответных мер, официальная турецкая власть, ранее не задававшаяся вопросами принадлежности инвесторов к

Хизмету, сейчас стремится нейтрализовать через свое посольство в Бишкеке действующий турецкий бизнес и заменить их на подконтрольные бизнес круги из Стамбула и Анкары. В целях лучшей проработки действий привлекаются по линии посольства новые сотрудники из MIT (Национальная разведывательная организация) Турции, силами которых будет вестись разработка альтернативных мероприятий (включая провокационные акции), нацеленных на дискредитацию Хизмета, гюленистов, сети лицеев «Себат» в глазах общественности Кыргызстана. Для этих целей также подключаются авторитетные имамы крупных столичных мечетей (турецких) с большим приходом.

Ташкент в данном случае рассматривается турецкими властями как потенциальный посредник с узбекской и уйгурской общиной Юга Кыргызстана. Не секрет, что богословы, бизнесмены, а также криминальные лидеры Узбекистана имеют неплохие связи с южной политической элитой и в состоянии определенным образом влиять на местные процессы. Тем не менее, главной задачей турецкой стороны является проработка тактики и деликатный розыгрыш карты Хизмета узбекской стороной, без излишних подозрений на вмешательство Узбекистана в дела Кыргызстана. Аналогичные процессы ожидаются на юге Казахстана, где узбекское влияние также имеет место быть.

В целом же, отметим, что узбекская сторона в состоянии возглавить анти-гюленовскую кампанию в регионе, однако большим вопросом остается насколько такой поворот событий

нужен самому Ташкенту. Козырь Анкары против Ташкента в лице оппозиционера Мухаммада Салиха сейчас не актуален в силу отсутствия Каримова и не будет таковым, если Салих не начнет какие-либо политические действия. Тем не менее его отъезд из Турции в Украину вполне может означать новый этап раскрутки партии «Эрк» равно как и желании Турции держать Салиха на доступном расстоянии для дальнейшего использования в своих интересах. Таким образом, поведение Салиха в краткосрочной перспективе будет своего рода показателем возможности развития турецко-узбекских отношений.

Узбекистан: новый президент и возможные изменения политики.

С самого начала президентской кампании для многих экспертов и специалистов было очевидным, что Ш. Мирзяев безальтернативно будет избран в качестве главы государства. В потоках информации о неизбежных изменениях во внутренней и внешней политике, которые публиковались до выборов президента в своей массе превалировали две наиболее распространенные точки зрения.

Первая, заключалась в том что Ш. Мирзяев будет продолжать политику первого президента И. Каримова без коренных изменений, допуская при этом небольшую либерализацию.

Вторая точка зрения сводила к более оптимистичной оценке как самой личности Ш. Мирзяева, так и к его возможным шагам во внутренней и внешней политике, в частности, указывались его инициативы, в числе которых амнистия ряда политических заключенных, либерализация некоторых аспектов экономической жизни страны, а также нормализация отношений с Таджикистаном и Кыргызстаном по целому ряду вопросов от границ, водопользования до восстановления авиа и железнодорожных сообщений с Таджикистаном.

В настоящее время трудно определить какой именно путь выберет Узбекистан при новом президенте, поскольку политика Узбекистана всегда определялась интересами правящего клана, который и формулировал понимание интересов государства как внутри, так и во внешних связях. Таким образом, анализ действий

Узбекистана, который мог бы определяться объективными интересами страны в той или иной ситуации (экономической либо политической) невозможен.

При этом наиболее «безопасный» прогноз относительно действий президента, мог бы содержать комбинацию двух перечисленных выше точек зрения, согласно которой, Ш. Мирзяев будет продолжать политику И. Каримова, при одновременном и неизбежном процессе либерализации социально-политической и экономической жизни страны в течение 3 лет его пребывания в должности.

Цель либерализации - создать видимость для населения, что существует надежда на позитивное изменения в стране и несмотря на очевидное признание и даже дальнейшее подпитывание культа первого президента Каримова, все же, Ш. Мирзяев придет к необходимости формирования собственного имиджа в стране, как реформатора. В последующем, как это было в случае с Туркменистаном, эта ситуация будет продолжаться до тех пор, пока восприятие Мирзяева в обществе не начнет вытеснять «светлый образ первого президента» страны.

Скрытая часть процесса либерализации в Узбекистане, будет сопровождаться набирающим обороты процессом передела сфер влияния в экономике, где уже сформированная команда приближенных нового президента, начнет вытеснять ставленников прежнего клана, либо их переподчинения новому главе государства. Этот процесс также может длиться от 2 до 3 лет. По крайней мере до тех пор, пока главный «сдерживающий механизм»

Ш. Мирзяева, в лице руководителя СНБ Р. Иноярова не будет ограничен в своем влиянии либо уйдет из политики по состоянию здоровья (учитывая его возраст).

Таким образом, под знаком «либерализации» у Узбекистане будет запущен неизбежный процесс перераспределения сфер политического и экономического влияния до масштабов, сопоставимых с контролем прежнего клана. К этому периоду Узбекистан вернется к авторитарному стилю правления времен Каримова - бескомпромиссный контроль государства и всех сфер его жизни.

Действия президента во внешней политике, несмотря на позитивные сигналы до выборов, также следует рассматривать как временные меры по стабилизации и нормализации отношений с соседними странами с целью исключить возможные «внешние угрозы», в частности связанные с возможностью проникновения на территорию Узбекистана террористических групп до и в период президентских выборов. Это, как представляется была самой важной задачей новой администрации.

В дальнейшем с большей долей вероятности мы можем наблюдать возврат к прежней политики Узбекистана, основанной на «диктате силы» в взаимоотношениях с соседними государствами. Это связано с тем, что никто не отменял коренные интересы Узбекистана, которые лежат в обеспечении беспрепятственного поступления воды для орошаемого земледелия - рис и хлопок и другие продукты сельского хозяйства, на прежних

условиях без предоставления компенсации Таджикистану и Кыргызстану за накопление воды в зимний период.

Является также естественным, что Узбекистан никогда не допустит ситуации, когда его экономическое положение будет зависеть от позиции Таджикистана и Кыргызстана по распределению водных ресурсов двух главных источников Центральной Азии - Амударьи и Сырдарьи. В этой связи, непримиримость позиции Узбекистана по строительству новых гидротехнических сооружений в бассейне этих двух рек - Рогунской и Камбар-Атинской ГЭС это стратегическая неизбежность внешней политики Узбекистана, даже несмотря на некоторые позитивные сигналы Ш. Милязева по этому вопросу в диалоге с Таджикистаном и Кыргызстаном.

Диалог с этими странами по вопросу демаркации и делимитации границ также будет приостановлен в необходимое время без объяснения объективных причин для этого, равно как и вопрос возврата в собственность Кыргызстана объектов взятых в аренду Узбекистаном в Советское время.

В этой связи, для государств Центральной Азии, в частности для Таджикистана и Кыргызстана, важно рассматривать все инициативы Узбекистана как временные и определенные исключительно внутренней необходимостью и не расчитывать на долгосрочные договоренности.

Неизменные останется подход Узбекистана к диалогу с крупными мировыми державами - США, Россия и КНР. Который будет сосредоточен на экономическом сотрудничестве с КНР в области

инфраструктуры, транспортировки энергоносителей и торговли, при одновременном балансировании между США и Россией по вопросам региональной безопасности.

Казахстан: гражданский протест как геополитическая провокация. Причины и предпосылки митингов, прогноз развития.

Гражданское общество в Казахстане за последние несколько лет находилось на стадии глубокой заморозки. Так, после бегства «опального банкира» Мухтара Аблязова, а также масштабных гонений всех связанных с ним лиц, включая в первую очередь оппозиционные политические силы, наступил новый этап внутриполитической жизни. Были приняты новые законы, согласно которым оппозиционные силы, нежелающие идти на условия власти и не настроенные на какой-либо компромисс подверглись политическим гонениям.

В 2012 г. Партия «Алга» и ее лидер Владимир Козлов, лидер рабочих Акматжан Аминов и лидер общественного движения Серик Сапаргали были обвинены в возбуждении социальной розни в Жанаозене, в создании организованной преступной группы, а также в призывах к свержению конституционного строя в Казахстане. Соратники Козлова Аминов и Сапаргали после сотрудничества с властью были осуждены условно, сам же Козлов приговорен к 7,5 годам тюрьмы. Немногим позже власти приступили к ликвидации неуместных СМИ и издательств. Остальные же СМИ резко изменили курс и стали вещать в прогосударственном режиме. В этой связи, общество, напуганное такими жесткими мерами со стороны руководства страны относительно «нежелательных» политических элементов,

отреагировало практически незаметно.

Были попытки организации митингов в крупных городах, однако с учетом того, что все эти попытки не были санкционированы, правоохранительные органы предусмотрительно нейтрализовали их разрастание, задерживая активистов до выяснения обстоятельств. Остальные же, менее сознательные в гражданском плане, социальные слои отнеслись нейтрально к развивающимся событиям. В 2014 г. вслед за политическим кризисом стал намечаться экономический, выразившийся в девальвации тенге: ущербление произошло с отметки 150 до 180 тенге за 1 долл. США. После долгой разъяснительной работы о причинах такого неожиданного шага со стороны властей, Астана пообещала впредь такого не допускать. Однако полтора года спустя, в августе 2015 г., произошла очередная волна девальвации, которые власти назвали переходом к плавающему курсу тенге. Такими мерами Астана собиралась противостоять давлению мировой экономики и поведением цены на нефтяном мировом рынке.

Отметим, что такое же поведение было взято на вооружение Москвой. Тенге на пике своего падения достиг отметки в 360 тенге за 1 доллар США, что по отношению к 2014 г. составило 100% ущербление национальной валюты. Многие операции в стране, несмотря на повсеместный переход на тенге, негласно производились в долларах США, что в свою очередь было по интересам и возможностям населения. Долгосрочное пребывание в кризисе общество Казахстана стало связывать с

неумением властей вести экономику страны в стрессовых экономических условиях, их недостаточную работу по прогнозированию кризиса и смягчению его последствий, а также чрезмерную зависимость казахстанской экономики от нефти и колебаний ее цены на рынке.

В марте месяце сего года, государство в целях привлечения большего количества иностранного капитала и иностранных инвесторов вводит новый законопроект, согласно которому предоставляется иностранным гражданам аренда земли сроком на 25 лет (по старому закону 10 лет), что вызвало сильное недовольство народа.

Как стало известно, организаторами общественных митингов и акций протesta являются представители Общенациональной социал-демократической партии (ОСДП) "Азат" в лице Т.Самбетбая. В ходе собрания присутствующие выбрали активистов в лице того же Т. Самбетбая (председатель Алматинского городского филиала ОСДП "Азат"), Г. Кыстаубаева (национал-патриот), Ж. Калдыбая (главный редактор журнала "Анызадам"), Г. Жакея (общественный деятель, национал-демократ) и др. Муниципальные власти традиционно выдали запрет на проведение митингов, а правоохранительные органы предостерегают граждан в участии в несанкционированном мероприятии, т.к. это будет давать силовикам повод для административного/уголовного наказания. Сам президент, оперативно отреагировал на изменяющиеся условия и наложил мораторий на четыре поправки, внесенные в Земельный кодекс, а кроме того, создана комиссия по земельной реформе

для обсуждения и разъяснения норм Земельного кодекса и выработки предложений.

Тем не менее, указанное выше говорит о том, что истинной причиной недовольства народа стал целый комплекс внутриполитических и социально-экономических проблем, а также неизвестность относительно того, когда все это закончится. Отметим, что волна протестов имела республиканский характер и не была ограничена лишь одним регионом. Власти, как в случае с Жанаозеном, не действовали жестко, однако все попытки дестабилизировать ситуацию пресекались правоохранительными органами. Полноценный митинг удалось провести в Павлодаре, однако после него его организатор был оштрафован на 50 минимальных расчетных показателей. Всего же были задержаны около 40 человек по стране. В СМИ появилась информация, что внешние силы проплачивают участие в митингах суммами от 50-150 долларов США. Генеральная прокуратура заявила о попытке государственного переворота. Между тем, очевидно, что общество в стране еще не созрело для организованного протеста. С другой стороны, это целиком и полностью заслуга властей, т.к. в условиях отсутствия сильной и единой оппозиции, о консолидации общества на протест речи быть не может.

Как нам представляется очевидным, на сегодня геостратегическая важность Центральной Азии по сравнению с положением дел в начале 2000-х гг. выросла в разы. И это объясняется не только наличием обширных запасов углеводородов в регионе,

но и близостью к основным центрам мировой политики: России, Китаю, Ирану. Мы считаем, что в условиях современного кризиса международных отношений и ее переформатирования, усилия Запада склоняются к установлению все больших механизмов влияния на своих партнеров. В Центральной Азии в частности. Казахстан, по нашему мнению, является своего рода «новой» площадкой в регионе для испытания новых революционных технологий. Майскую волну протестов необходимо считать «пробным запуском», который в действительности тестирует готовность и реакцию властей на общественно-политические вызовы.

В Казахстане главным мотивом для активизации внешних сил является передача власти в стране, т.к. период правления Назарбаева с каждым годом подходит к концу. Доподлинно неизвестно кто собирается стать преемником президента, однако активное продвижение Дариги Назарбаевой по карьерной лестнице в скором буде давать дополнительный повод для недовольных слоев общества и организации акций протеста. Довольно показательным примером для аналогии можно считать Кыргызстан в конце правления Аскара Акаева. Государство открытое для международных партнеров и постоянный поиск оптимального пути в геополитическом пространстве в итоге недвусмысленно показали, что стратегические интересы мировых центров силы не терпят конкуренции. Особенно в таком регионе. Особенно в такой неподготовленной стране.

Безусловно, внутриполитическая ситуация во многом способствовала проникновению и укоренению иностранного влияния, которое по сути само подготовило площадку для семейно-кланового укрепления вертикали власти, выраженного в засилье семьи Акаевых в бизнесе и государственной политике. Проводя общую аналогию двух примеров, становятся очевидными их схожесть и примерно одинаковая специфика правления.

Отметим, что Туркменистан и Узбекистан сразу отреагировали на протестные настроения в Казахстане, что выразилось в закрытых государственных границах, которое по всей видимости продлится до стабилизации ситуации в стране. Страны Запада пока никак не отреагировали на протесты в Казахстане, однако ряд авторитетных западных СМИ осветили эти события как полицейское давление на гражданские процессы в стране.

Между тем, в Казахстане на сегодня наблюдается высокий рост национализма. Однако речь сейчас не идет о рядовых конфликтах между титульной нацией и национальными меньшинствами, но о долгосрочных опасениях населения Казахстана. Известно, что на сегодня Китай рассматривается как один из наиболее желанных долгосрочных экономических партнеров, способный обеспечить непрерывное поступление средств за выполнение всех взятых на себя обязательств. Обширные китайские инвестиции в Казахстан, равно как и крупные кредиты не только способствовали экономическому росту и реализации долгосрочных проектов, но также и возымели

обратное воздействие на экономику, сделав ее более уязвимой к мировым колебаниям. Это приводит к тому, что политики, бизнес и промышленность стремятся к установлению прочных связей с китайцами, в то время как большинство граждан рассматривают Китай как угрозу своей независимости.

Особенно это ощущается в нефтеносных западных областях страны, где китайская рабочая сила ущемляет права на работу и достойную заработную плату местного населения. Так, зачастую приезжая рабочая сила оказывается более квалифицированной, соответственно, востребованной (особенно на китайских проектах) и более высокооплачиваемой, оставляя местному населению наиболее тяжелую, опасную и менее ценную работу. Подобные опасения обоядные, так как приезжим специалистам-нефтяникам приходится сталкиваться с сильным противодействием со стороны местных. Серьезный фактор недовольства, как нам кажется логичным, представляет собой то, что китайцы получают своего рода преференции из-за тесной координации на высшем уровне.

С начала 2000-х Китай на нескольких направлениях стал прорабатывать вопросы по аренде земли. Так, первой стала Россия где в 2004 г. была арендована земля в 115 тыс. га (+200 тыс. га) под сельхознужды и строительство целлюлозно-бумажного комбината на приграничных территориях, в Казахстане речь шла о возможности аренды 1 млн. га земли в 2009 г., в 2013 г. подобные разговоры уже велись в Киеве, а площадь желаемой территории достигала 3

млн. га. К тому же, отметим, что особенность китайской переговорной политики после раз渲ала СССР сводилась к жесткой аксиоме: получить максимально возможное количество дополнительных территорий от каждой из граничащих республик бывшего союза. Чего собственно они и добились.

Сохраняется вероятность того, что в средне- и долгосрочной перспективе, Пекин выступит с дополнительными инициативами по пересмотру границ в его пользу. К началу 2000-х гг. Китай стал постепенно внедрять политику сохранения имеющегося потенциала и концентрацию на поступление энергоресурсов, природных материалов, металла и т.д. из вне. Как показывает анализ китайская политика имеет далеко идущие стратегические расчеты в своих действиях и намерена развивать свое преимущество. К примеру, в приграничных российско-китайских территориях вырубка леса идет только с российской стороны, в то время как Китай только скупает иностранный лес, а свой стремится сохранить по государственной программе.

Исходя из этого, довольно недвусмысленно вырисовывается перспектива китайской аренды казахстанских территорий. Помимо того, что население Казахстана отрицательно относится к возможностям китайского присутствия, постепенный, но верный «атлантический» крен также вызывает массу недовольств в обществе. В Казахстане довольно вольготно себя ощущают западные мировые корпорации, они планомерно продвигают свои механизмы в работе. Один из

подобных – введение законодательства на основе английского права в Международный финансовый центр «Астана» для привлечения инвестиций в 2015 г. Безусловно, с Россией также есть нерешенные вопросы относительно русских диаспор, однако здесь проблема несколько иного «бытого» типа, однако все равно дает нам право полагать, что социальная этническая нетерпимость к иностранным элементам в стране будет лишь усиливаться. Независимо от степени дружественности страны на мировой арене.

Национальный и межэтнический фактор играет все большую роль в стране, к тому же, налицо его сращивание с религиозным фактором. Так, те казахи (в основном с регионов), которые далеки от урбанистического стиля жизни с традиционным укладом и менталитетом составляют большинство салафитских, суфистских течений. При этом, подобные слои населения считают себя истинными национал-патриотами в отличие от городских казахов, утративших часть национальной идентичности. Культура, обычай и язык являются главными критериями «казахскости» и утратившие эти черты казахи воспринимаются патриотами как «недоказахи». Представителей других наций национал-патриоты считают недостойными жить на казахской земле, среди казахов, т.к. они не ассимилируются и не перенимают всей полноты казахской культуры.

Именно национал-патриоты, на сегодня считаются Западом главной внутриполитической силой, способной при правильных акцентах

давления и умелой режиссуры организовать политическую трансформацию в Казахстане. На сегодня нет одного, альтернативного Назарбаеву политика в стране. Власть сама себе оппонирует своими непопулярными действиями и в таких условиях действует принцип «не за кого-то определенного, но против властного режима». По сему, необходимо считать протесты как логически обоснованной реакцией народа, причем повторение сценария довольно реально. Внутриполитическая ситуация в Казахстане на сегодня служит предпосылкой для организации обширной иностранной сети для достижения единой цели – получение более оптимальных условий работы в Казахстане, которое может быть достигнуто посредством поиска и установления более лояльного для Запада политического режима в стране.

Отставка правительства и противостояние власти и оппозиции в Кыргызстане.

Политическая осень 2016 г. в Кыргызстане отличается своей активностью, напряженностью, а также актуальностью протекающих событий. На фоне предстоящих президентских выборов и подготовительных мероприятий к их проведению наиболее остро заметно противостояние двух политических полюсов: властей и оппозиции, представленных президентом Атамбаевым с одной стороны, депутатом ЖК КР и лидером партии «Ата Мекен» Омурбеком Текебаевым - с другой. Борьба вошла в активную фазу после резкой речи Атамбаева в адрес своих бывших коллег по Временному правительству 2010 г. на празднике в честь Дня независимости КР 31 августа 2016 г., обвинив их в учинении мародерств, грабежей, узурпации власти, подстрекательстве сепаратизма во главе с Кадыржаном Батыровым, а также создании условий для его побега с целью собственного обогащения после второй революции 2010 г..

Как известно, одним из главных объектов политических споров является инициатива правящей команды по внесению изменений в Конституцию КР на референдуме 11 декабря (совместно с выборами в местные органы самоуправления). Последняя редакция Конституции является продуктом деятельности и осмысления самого Омурбека Текебаева и закладывает парламентскую форму правления в Кыргызстане. В этой связи, все поправки в Конституцию с изменением формата, полномочий и

обязанностей законодательной и исполнительной ветвей власти с большим перекосом в сторону усиления правительства и роли премьер-министра рассматриваются оппозицией как подрывающие прежние договоренности и как попытки легальной узурпации власти действующим руководством страны. Во многом, опасения оппозиции обуславливаются высокой вероятностью повторения российского сценария, который сводился к рокировке между Владимиром Путиным и Дмитрием Медведевым, позволявшей первому реализовать сценарий «президент-премьер-президент». Сама же конституционная реформа в Кыргызстане расценивается как отправная точка к реализации этого сценария.

Подобная политическая преемственность внутри правящей верхушки не отвечает интересам региональных политических элит и кланов в силу монополизации процесса принятия решений и гарантированной закрытости системы для функционеров вне президентской команды. Власть нацелена на постепенное отстранение оппозиционных политиков, что по мнению оппозиции даст основания официальному Бишкеку продолжать курс по уголовно-административному преследованию и политической нейтрализации отдельных «неугодных» политиков, как к примеру в марте 2016 г. Напомним, тогда были задержаны несколько политиков и экс-функционеров за попытку организации захвата власти в Кыргызстане.

В целях противодействия президентской команде, оппозиционными силами в состав

которых вошли А. Бекназаров, О. Текебаев, А. Салянова, М. Аскарбеков, А. Шыкмаматов и др. функционеры, 8 октября был проведен Народный Курултай, собравший около 600 делегатов со всей республики. Собрание после заслушания речей экс-госслужащих высокого ранга и других политиков, ученых, журналистов и др. приняло резолюцию, обязавшую ряд госорганов дать оценку действиям властей, отклонить все связанные законы с принятием новой Конституции и т.д.. По всей видимости смысл заключался в предоставлении альтернативной точки зрения гражданского общества, а также демонстрации не только большого человеческого потенциала, но также и воздействия кланового фактора: поддержки старейшин определенных родов как мощного инструмента влияния на региональную политику и, соответственно, принятия решений в регионах.

Между тем, очевидно, что оппозиционные силы обеспокоены дальнейшим развитием событий, а также поведенческой линией властей, планомерно продвигающей свои интересы и достигающей своих целей. Во главу угла ставятся вопросы безопасности, в связи с чем Текебаев делает довольно громкие заявления относительно готовности приближенных президента пойти на крайние меры ради своих целей, даже на физическое устранение. Здесь довольно уместным было бы отметить войну компроматов, развернутой между властью и оппозицией, направленной на дискредитацию соперников в глазах общественности. При этом сам формат предполагает классический

характер: оппозиция обвиняет власти в бездействии и коррумпированности; власть обвиняет оппозицию в коррумпированности и отсутствии государственного мышления в действиях. С другой стороны, как представляется, публикование компрометирующих фактов нацелено также и на прощупывание слабых точек в стратегии и тактике политических соперников, готовность и оперативность реагирования на появляющиеся обстоятельства, стрессоустойчивость в кризисных ситуациях, а также выявление симпатизирующих сторонников в противоположных лагерях.

Между тем, оппозиция во главе с Текебаевым, начав открытое противостояние с властями, будет стремиться к получению политических гарантий. Их предоставление командой Атамбаева (даже одному Текебаеву) во многом могло бы снизить конфликтогенный потенциал отношений с оппозицией, но по всей видимости, официальный Бишкек идет на установление более жесткого порядка в стране, причем начальные акценты ставятся на реорганизацию внутриполитического пространства. Таким образом, заметен некий отход от устоявшихся в Кыргызстане правил игры, которые сводились по большому счету только к демонстративным действиям, не влекшим за собой реальных последствий.

Прежде всего это обуславливается тем, что политическая деятельность сегодняшней оппозиции лишена конструктивизма и сводится к конъюнктурным соображениям,

которые проявляются в отрицании всех инициатив правящей верхушки, исходя из личных интересов. Так, Омурбек Текебаев, будучи профессиональным оппозиционером в своей деятельности стремится к большему доступу к процессу принятия решений, получению конкретных политических и финансово-экономических гарантий от властей, а вся линия поведения политика основывается на принципе «больше просишь - больше получаешь». Несмотря на амбициозность и критику Текебаева в адрес властей, некоторые недавние инициативы лидера «Ата Мекен», как к примеру Законопроект «О реконструкции и развитии исторического центра города Бишкека», согласно которому изъятию подлежали объекты недвижимости частной и иных форм собственности, расположенные в рамках определенной зоны центра столицы и построенные до 1996 года, также вызывали множество вопросов и недовольств со стороны гражданского общества. При этом вполне уместно было бы полагать заинтересованность крупных застройщиков в этом законопроекте. На сегодня, противостояние оппозиции и власти отражается не только во взаимных обвинениях политиков, но и принимает серьезный оборот в действиях правящей команды, что выразилось в выходе президентской партии СДПК из правящей коалиции большинства. Автоматически, это привело к необходимости формирования новой правящей коалиции, нового правительства.

В целях недопущения непредсказуемого развала новой коалиции, которая будет сформирована в ближайшие дни,

необходимо отметить, что в ней будет отсутствовать «Ата Мекен», «Бир Бол» и, вполне возможно «Онугуу Прогресс», несмотря на то, что последняя также выступала за конституционные изменения. Таким образом, команда Атамбаева желает исключить возможность влияния нестабильного элемента и его выхода из коалиции большинства в самый неподходящий момент и создания ненужных проблем работающему парламенту.

По нашему мнению, состав правительства остается прежним и будет подвержен только минимальным изменениям. На момент написания статьи известны отставки министра образования Эльвиры Сариевой, министра социального развития Кудайбергена Базарбаева, планируется проведение еще 1-2 назначений. Главным вопросом остается кто станет премьер-министром страны, причем часть экспертного сообщества склонна полагать, что им станет лидер фракции «Республика - Ата-Журт» Омурбек Бабанов, уже занимавший этот пост ранее. Однако, по нашему мнению, было бы логичней ожидать утверждение действующего премьера Сооронбая Жээнбекова в силу нескольких факторов: во-первых, премьер состоит в команде президента; во-вторых, он лоялен и подконтролен; в-третьих, является компромиссной фигурой для северных и южных кланов. Последним аргументом является нежелание О. Бабанова возглавлять правительство ввиду его баллотирования на пост президента в 2017 г. В этой связи, полагаем, что его работа в коалиции будет носить очень плодотворный законотворческий характер в

ближайшей перспективе и будет нацелена на поддержание всех возможных инициатив СДПК и Атамбаева лично. Деятельность же в составе правящей коалиции отвечает интересам обоих лидеров и будет служить оттачиванием комбинационной многоходовки во время президентской гонки.

Кандидатура главного "республиканца" в качестве кандидата на пост президента на следующий срок целиком устраивает СДПК и Атамбаева в силу личных качеств Бабанова, его политического и финансово-экономического потенциала, а также ряда других объективных причин и близости обоих политиков. Сам Бабанов давно осознает, что плыть против течения нецелесообразно в условиях Кыргызстана и гораздо выгоднее сотрудничать с властью. В обществе муссируются слухи о том, что его кандидатура уже одобрена на наднациональном уровне.

Акцент на многовекторное развитие внешних связей, заложенный при первом президенте Аскаре Акаеве, на сегодня не носит актуального характера для кыргызских властей и склоняется в сторону сокращения векторов взаимодействия. Не секрет, что официальный Бишкек придерживается пророссийского курса развития, который по сути, является наиболее выраженным во внешней политике государства. В то время как оппозиционные силы ориентируются на противоположный полюс притяжения - Соединенные Штаты. Партия «Ата Мекен» во главе с Текебаевым и остальными видными политиками, а также Национальное оппозиционное движение (НОД), возглавляемое Равшаном Жээнбековым являются главными проводниками интересов

Вашингтона в Кыргызстане, а их связь не раз демонстрировалась. Очевидна линия разлома оппозиции и власти, которая проходит не только по региональным и клановым факторам, но также и внешней политике, что заведомо определяет наличие конфликтогенного потенциала политических сил.

Российско-американское геополитическое противостояние аналогичным образом отражается на Кыргызстане. Подотчетный Москве Бишкек демонстрирует серию кардинальных политических разворотов, отразившихся на статусе кыргызско-американских отношений: вывод американской авиабазы, односторонняя денонсация двустороннего соглашения 1993 г.. Приезд в КР Госсекретаря Джона Керри в 2015 г. был призван послужить снижению напряжения в отношениях между Бишкеком и Вашингтоном, но на сегодня очевидного прогресса не заметно. США идут на прощупывание общих точек с кыргызским руководством чему свидетельствует визит заместителя Госсекретаря по политическим вопросам Томаса Шэннона и зампомощника Госсекретаря по ЦА Дэна Роземблюма в КР 27.10.2016.

По нашему мнению, приоритетным для Вашингтона и Кремля на сегодняшний день является транзит власти в Ташкенте, от которого будет дальше отталкиваться политика этих стран в ЦА в целом. К тому же, от специфики внешней политики нового узбекского руководства будет выстраиваться баланс внутриполитических сил в южных областях Кыргызстана и его влияние на процесс принятия решений в самом Бишкеке, основанный на

активизации/нейтрализации религиозных, межэтнических аспектов, а также вопросов природопользования.

В свете протекающих событий в стране, по нашему мнению, Москва со своей стороны поддерживает курс Атамбаева на нейтрализацию оппозиции, стремится к установлению долгосрочного и предсказуемого курса, что особенно важно в довольно непростые времена для Кремля и в условиях возможных угроз евразийской интеграции.

Очередной теракт в Алматы и некоторые проблемы безопасности Казахстана.

После весенних массовых митингов в Казахстане, которые прошли практически во всех крупных городах страны (Актобе, Павлодар, Алматы, Уральск, Семей и т.д.) и выяснением заинтересованных политических сил в дестабилизации в стране, сегодня, 18.07.2016 в «южной столице» Казахстана были развернута стрельба вооруженными людьми в центре города. По данным казахстанских СМИ, несколькими людьми, которые по словам представителей полиции, являются приверженцами нетрадиционного религиозного течения, было совершено нападение на Алматинское районное управление внутренних дел г. Алматы, а также слышны были выстрелы в районе Департамента Комитета Национальной Безопасности г. Алматы. Раненые продолжают поступать в реанимационные отделения городских больниц, есть убитые как среди гражданского населения, так и среди сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих. Появляются сведения об аналогичных нападениях в Алматинской области.

Сообщается о задержании двух подозреваемых в перестрелке, однако остальные подробности пока скрываются. В городе объявлена антитеррористическая операция, закрыты все оружейные магазины, оцеплены центральные районы города, а также взяты под контроль ЖД и автовокзалы.

В целом же, как и в 2011 г. в Казахстане, в целях предотвращения общественной паники блокированы многие информационные сайты и социальные сети, в некоторых местах отключен мобильный интернет. Напомним, что после событий в Мангистауской области 2011 г., события-2016 являются наиболее крупными в стране за последние 28 лет. В июне 2016 было совершено аналогичное нападение группой вооруженных лиц на оружейные магазины и после на воинскую часть (18 человек были убиты). Как известно, Комитетом Нацбезопасности был объявлен спонсор теракта – известный предприниматель и бизнесмен Тохтар Тулешов, а ответственность за совершенное якобы взяла на себя некая «Армия освобождения Казахстана», о которой никто каких-либо разъяснений позже дать не смог. Примечательно, что сам обвиняемый уже с января месяца находится под арестом по обвинениям в хранении наркотиков и финансировании преступной группировки. Что вполне может свидетельствовать о том, что официальная версия не совсем соответствует действительности и факты подогнаны под устраниние неудобных политических фигур.

Тем не менее, майские митинги и наконец перестрелка в Алмате показывает всеобъемлющий кризис в стране, а финансово-экономический спад, по всей видимости, является одной из наиболее вероятных причин по радикализации населения и в основном религиозной ее части. Хорошо известно, что миссионеры религиозных течений используют годами проверенную тактику давления на личностные и

экономические трудности человека в привлечении в свои ряды, а также склонению к выполнению определенных действий под страхом праведного гнева Всевышнего. Таким образом, затянувшийся экономический кризис становится удобным поводом для расширения деятельности религиозных сект. К тому же обнажаются проблемы силовиков, которые неспособны превентивно реагировать не только на появление подобных терактов в крупных городах страны, но позволять в принципе подобным религиозным радикальным течениям вести свою деятельность в Казахстане. Стоит отметить, что Казахстан является страной в которой терроризм проявляет себя довольно часто за последние 5 лет, а наиболее уязвленными регионами страны являются города западных областей Казахстана.

Власти убеждены, что следы организации беспорядков следует искать за рубежом. В недавнем времени по информации ряда СМИ в Казахстане просочилась и распространилась информация о том, что за Тулешовым стояли российские спецслужбы, однако объективного подтверждения этой информации также не было найдено. С другой стороны, глобальная система международных отношений дает сбои в ходе своей трансформации к многополярному миру и, по нашему мнению, именно там надо искать объяснения революционным процессам, протекающим в различных странах мира. «В полицентричном мире изменяются подходы к обеспечению национальной безопасности. Государство как категория субъектов системы международных отношений теряет свою

Казахстан на сегодня, по всей видимости, является очередной площадкой после Кыргызстана в Центральной Азии по частичной дестабилизации региона и поворота ЦАР от России и Китая. Президент Назарбаев не является конечной целью подобных беспорядков, а всего лишь одной из задач, по достижению которой государственная политика будет подложена пересмотру. Наиболее вероятный на сегодня организатор беспорядков в Казахстане является Вашингтон, который имея в своем

арсенале наиболее мощные инструменты давления и информационное преимущество способно влиять на мировые экономические процессы и международную обстановку в целом.

К тому же, известно, что действующие в Казахстане салафитские и такфиритские организации финансируются Катаром и Саудовской Аравией через аффилированные в стране учебно-просветительские центры, джааматы и отдельных священнослужителей. В стране действует обширное (и подотчетное Тель-Авиву и Вашингтону) еврейское бизнес-сообщество крупных и средних бизнесменов, которые конечно не контролируют внутреннюю или теневую экономику, однако с помощью скоординированными действиями по выводу капитала из страны вполне в состоянии оказать сильное давление на банковский и финансовый сектор экономики Казахстана и, тем самым, усугубить при необходимости экономический кризис. Сам Назарбаев в своих оценках Актобинских событий исходит из наличия интересов из-за рубежа [2].

Между тем, мы полагаем, что после стабилизации и локализации чрезвычайного происшествия в Алматы, Назарбаев будет действовать решительно в отношении:

Реформирования и модернизации правоохранительных органов и спецслужб. Возможно будут произведены кадровые перестановки, т.к. анализ показывает, что после ухода бессменного Нуртая Абыкаева на пенсию в Сенат, спецслужбы допускают ошибки в

предупреждении подобных беспорядков.

Параллельно будет проводиться жесткая чистка и контроль за религиозными институтами в стране.

Будут ужесточены правила их регистрации и подотчетности, ожидается рост числа закрытых мусульманских организаций, а также открытия уголовных и административных дел в их отношении.

Установления масштабного контроля за представителями политической элиты на предмет политических консультаций с внешними игроками, а также выявления протекторов религиозных деятелей и организаций. Установления более тесной координации с российскими спецслужбами.

В целом, после проведения неотложных мер реагирования, необходимо понимать, что силовой компонент решения социально-политических проблем будет играть большую роль чем сейчас. К примеру, после выяснения деталей событий в Жанаозене в 2011 г., последовали довольно жесткие гонения политической оппозиции и неугодных групп влияния. Аналогичного поведения нужно ждать и сейчас, что особенно актуально перед возможной «пенсией» Назарбаева в ближайшие несколько лет.

По всей видимости, на государственные ключевые посты будет выдвигаться по инициативе президента большее количество особо приближенных среди числа родственников и проверенных друзей, т.к. именно им будет доверяться президент в непростое для него время.

Возможны выделения из государственного бюджета дополнительных средств для решения каких-либо социальных проблем (не запланированных на срочное решение) в качестве показательного примера, что власти работают и обеспокоены проблемами общества.

Беспорядки в Казахстане, по нашему мнению, еще будут иметь место в отдельных областях и городах страны, но их развитие целиком и полностью зависят от оперативности команды Назарбаева, т.к. общество еще довольно аморфно в отношении организации массовых протестных акций республиканского масштаба и свержения современного правящего режима.

Примечания:

1. Шариков П.А. Проблемы информационной безопасности в полицентричном мире. М. «Весь мир», 2015.

НТВ. Назарбаев обвинил в атаке на Актобе заказчиков из-за рубежа. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1634332/>

Внешнеполитический фактор политической трансформации власти в Казахстане.

На сегодня, высшее руководство страны в лице Лидера нации Нурсултана Назарбаева в ходе своего обращения к нации 25.01.17 и текстового обращения от 31.01.17 объявило о пошаговой трансформации политического устройства страны, которое выражается в делегировании части президентских полномочий парламенту и правительству республики, а также начале производственной революции в Казахстане.

Так, согласно заявленным изменениям, необходимо ждать переориентации внутриэкономического пространства на максимальный КПД в производстве, улучшение условий труда госслужащим бюджетной сферы, создание новых рабочих мест, послаблений малому и среднему бизнесу. Иными словами, взято направление на улучшение национального благосостояния через предоставление лучших условий труда и собственно призыву к труду как к таковому. В политической сфере, ожидаема передача регулирования социально-экономических процессов ранее закрепленных за президентом правительству и другим органам исполнительной власти. Парламент будет формироваться также по спискам выигравших в парламентских выборах партий, а также будет в большей степени влиять на процесс деятельности правительства. Теперь исполнительная власть будет рассматриваться своего рода подготовкой для дальнейшего прохождения в парламент, престиж которого будет повышен в вертикали власти. Следовательно, необходимо ожидать, что известные

политические функционеры, работающие сегодня в при Назарбаеве в администрации и правительстве будут с этой поры нацелены на передачу своих постов своим молодым преемникам и планомерно «переезжать» в парламент, что бы контролировать работу своих людей, а также обеспечивать их протекцией из стен парламента. В целом же, очевидно, что предлагаемая реформа является переосмысленным и немного видоизмененным (остается президентская форма правления) осмыслением опыта Кыргызстана, с 2010 г. перешедшего на парламентскую форму правления.

Необходимо отметить, что опыт Кыргызстана очень положительно воспринимается населением Казахстана, явно «уставшего» от авторитарного правления Назарбаева, которое в последние несколько лет не привнес ничего позитивного в развитие социально-экономического благосостояния: несколько волн девальвации, попытка передачи земли китайцам, а также недосыгаемость власти обычным населением привели к волнам социального протesta в стране.

Между тем, согласно заявлению Назарбаева в ходе своей речи, политические перемены в Казахстане являются следствием меняющегося мирового устройства, региональных процессов. Иными словами, обусловлены внесистемными, внешнеполитическими факторами. Нурсултан Назарбаев начиная с начала 90-х с особой тщательностью стремился показать позитивные сдвиги Казахстана мировой общественности, зарекомендовать республику как прогрессивное и современное государство, которому не чужды все атрибуты высокой

политической культуры и цивилизации. Казахстан отказался от военных разработок атомной энергии и присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия, Астана также стала участником важных демократических мировых актов¹ и т.д. Во многом эти шаги демонстрировали настрой Казахстана на позитивные сдвиги. Однако их, как и современные внешнеполитические успехи Казахстана (переговорщик по революции в Кыргызстане-2010, председательство ОБСЕ, первая страна ЦА для проведения Всемирного Исламского Экономического Форума, посредничество по Крыму в 2014 г., Сирии в 2017 г.) необходимо считать как продукт персонализированного характера, которые направлены на удовлетворение личных амбиций Назарбаева, стремящегося выступить с резонансными в мировых политических кругах начинаниями. Последующие в середине и конце 90-х политические преобразования, связанные с постепенной концентрацией власти в одних руках и лишением парламента, правительства прежней полноты функций, вызвали немало критики у западных партнеров Казахстана. Тем не менее, рассудительная внешнеэкономическая политика государства, позволившая транснациональным корпорациям довольно вольготно себя чувствовать на нефтегазовом рынке страны нивелировала деструктивные

устремления геополитических держав, хотя проверки на прочность режима Назарбаева были серьезные: Кажагельдин, Алиев, Аблязов и все скандалы связанные с ними.

После серии революций в Кыргызстане с явным следом внешней режиссуры, Казахстан ужесточил государственное регулирование практически всех сфер жизнедеятельности в стране: экономика, СМИ, неправительственный сектор, нефтегазовый, агропромышленный, а также политическая сфера. Оппозиция была окончательно ликвидирована с показательным судебным процессом над аблязовской партией «Алга!» и признанием ее экстремистской. Назарбаев сам не раз отмечал наличие внешней режиссуры в организации протестов в стране.

Учитывая ярко выраженный авторитаризм, чем же обусловлен сегодняшний реверанс Назарбаева в пользу более либерального формата деятельности государственного аппарата?

Начнем пожалуй с того, что Назарбаев признает наднациональный характер влияния США, что не раз было подтверждено потрясениями в различных регионах планеты и понимает, что несмотря на устойчивое партнерство его режим довольно уязвим перед угрозами мировой политики США. При этом, именно Вашингтон стремится к установлению хаоса в нефтеносных районах для создания облегченного режима по добыче и транспортировке нефти в направлениях, выгодных амери-

¹ Женевские конвенции о защите жертв войны от 1949 года; Конвенция о правах ребенка от 1989 года; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания от 1984 года; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 1979 года; Конвенция о статусе беженцев 1951 года; Конвенция 1948 года о свободе ассоциаций и защите права на организацию; «Международный пакт о гражданских и политических правах» и «Международный пакт об экономических и социальных правах»

канской администрации. Это не раз было доказано в ходе арабской весны, продолжающегося конфликта в Сирии, событий в Грузии и Украине. Запад нацелен на отрыв Астаны от российского/китайского векторов, прокачку каспийской нефти Казахстана в западном и южном направлении Евразии (в обход РФ и КНР), доминантное положение в нефтегазовом секторе Каспийского региона. Исходя из геополитических устремлений Запада руководство Казахстана на протяжении всего периода независимости стремилось удовлетворять желания США в политическом и экономическом плане, обходя острые противоречия. Тем временем, Астана шла также на сближение с Китаем, Россией, ЕС, и другими мировыми игроками, обеспечивая баланс интересов и взаимодополняемость векторов сотрудничества в Казахстане, ЦА регионе в целом. Возможность американских/британских бизнесменов и дипломатов влиять на процесс принятия решений и выкачиванию денег из страны² (к примеру лишение Казахстана статуса ядерной державы, Казахгейт, назначение Тони Блэра на должность советника Назарбаева, и т.д.) привела к тому, что Казахстан не мог отказаться от поддержки инициатив по сотрудничеству по линии НАТО, предоставления американским инвестициям наивысшего уровня безопасности, проведения ежегодных американо-казахстанских военных учений, предоставления западным НПО своего политического пространства. Необходимо понимать, что эти шаги были сделаны в угоду Вашингтону с умыслом

политического «откупа», действующего по принципу «и волки сыты, и овцы целы». Усилия США в регионе принесли свои результаты: ни одна геополитическая страна не закреплена в регионе, Афганистан становится центром напряжения для ЦА, Россия не обладает монополией в нефтегазовой сфере. Последнее однако стало причиной для укрепления не Запада, а Китая, что теперь должно лежать на повестке дня Вашингтона.

На сегодня, многие эксперты говорят о том, что американскую внешнюю политику ждут большие перемены с приходом Трампа на пост президента: сближение с Россией, борьба с ИГИЛ, новая доктрина в ЦА. В свою очередь, нужно отметить, что несмотря на непредсказуемость действий нового президента, государственная машина и неоимперские интересы по всему миру, подкрепленные миллиардами потраченных на их соблюдение долларов, говорят об обратном – политический курс будет нацелен на прежние цели, но по всей видимости с возможными небольшими корректировками.

Таким образом, Назарбаев осознавая, что после «арабской весны» авторитарный режим является лакмусовой бумажкой для воинствующего либерализма и рассматривается как не самый стабильный путь для государственного развития (особенно в странах третьего мира), по всей видимости делает ставку на опережение оппонентов. Безусловно, предполагать, что произойдет существенное делегирование президентских полномочий не представ-

² По данным Нацбанка Казахстана за 2012 г. наибольший отток денежных средств из Казахстана наблюдается в США (45,6 млрд. долл. США), Великобританию (16,8 млрд. долл. США), Голландию (16,2 млрд. долл. США). ИА «Tengrinews» 12.01.2013. URL: <https://tengrinews.kz/markets/natsbank-raskryil-glavnyih-investorov-kazahstana-226516/>

ляется возможным в условиях Центральной Азии, однако частичной либерализации политического пространства все-таки надо ждать. Очевидно, что эти меры направлены на удовлетворение социальных недовольств, но с другой стороны, очевидно и то, что президент тем самым намеревается в среднесрочной перспективе поставить финальный аккорд в вопросе смены власти в Казахстане. Как и прежде внешнеполитическому направлению и Назарбаевскому формату его организации (по многовекторному принципу) будет отдаваться приоритетное значение. При этом в политических кругах существует мнение, что Россия будет присутствовать в качестве приоритетных направлений во внешней политике РК в силу близости территорий и народов стран в любом случае, т.е. несмотря на взлеты и падения двустороннего сотрудничества. США же, несмотря на их отдаленность, представляют из себя ту страну, с которой не только не стоит портить отношения, но наоборот надлежит их развивать.

На сегодня либерализм и капитализм являются одними из главных мерил и движущих сил мировой политики, которым не могут противостоять многие страны и идеологии. Несмотря на степень закрытости любого противоборствующего либерализму политического режима, принципы этих теорий на практике показывают их привлекательность для населения и разрушают их сформировавшуюся политическую культуру и социальные устои. Один взгляд на то как население пытается жить в странах бывшего СССР и самой России, с большой ориентацией на продукты, стиль жизни и ценности Запада, является самым ярким примером. Исходя из этого, необхо-

димо понимать, что либерализация (и либерализм как следствие в любой его форме), является неизбежным следствием для многих нелиберальных стран мира, где это движение имеет восходящий характер - от населения к власти.

В этой связи, можно полагать, что руководствуясь принципами самосохранения, политический курс Казахстана будет делать максимально возможное количество уступок Западу, оставляя за собой право принятия решений. Назарбаев в вопросе преемственности власти и выборе преемника будет делать скидку не только на Россию, но также и на Запад, США в первую очередь. Так как расцвет либерализма после определенной серии неудач идей «евразийства» вполне ожидаем. При этом, жесткость и авторитарный стиль правления рано или поздно уступит место «мягкой силе», идеи, которая пребывает в организме общества перманентно, хоть и в скрытой форме. Цикличный характер особенно заметен на примере России с середины 80-х гг., после ухода Андропова и прихода Горбачева, Ельцина, Путина. Частичная либерализация, несмотря на декоративность на сегодня заметны на всем пространстве ЕАЭС (кроме России и Беларуси) и выражается в планомерном наделении расширенным кругом полномочий своих законодательных органов (вдобавок к казахстанским реформам Армения по примеру Киргизстана переходит к парламентской форме правления), что наталкивает на определенные выводы.

Вопросы перераспределения власти в Казахстане.

11 января 2017 по указу президента была создана рабочая группа по вопросам перераспределения полномочий между ветвями власти в Казахстане. Этот шаг вызвал интерес как и у международного экспертного сообщества, так и у отечественного. Главным вопросом в этом конкретном случае является: какие последствия может за собой повлечь перераспределение полномочий между ветвями власти и целесообразно ли рассматривать это в качестве подготовки к транзиту власти в стране?

Представляется, что для ответа на эти вопросы нужно начать с ответа на подводящие вопросы, представленные ключевыми кадровыми перестановками. Так, экс-посол Казахстана в России Марат Тажин назначен заместителем руководителя администрации президента, что по сути означает возвращение одного из сильнейших идеологов страны во внутреннюю политику. В 2013-2014 г. до начала его посольской деятельности, Тажин занимал пост госсекретаря Казахстана, на котором выступил с рядом инициатив по написанию новой истории Казахстана, установлению контроля за информационным полем, его реформированию для качественного развития, а также созданию некоего списка читаемых широкой публикой блоггеров, сотрудничество с которыми может позволить государству доносить до населения необходимую информацию.

Во многом, прежний формат работы Тажина говорит, что на сегодняшний день (главой комиссии является Руководитель президентской администрации), Тажин может быть

ответственным за разъяснительную работу среди населения с легким наклоном в сторону пропагандистского вещания о необходимости государственных реформ, их высокой актуальности, а также направленности на государственное развитие.

С другой стороны, назначение Тажина на пост в президентской администрации может говорить о некоем кризисе в кадровой системе: молодежь не имеет достаточного опыта, а управленцы, находящиеся рядом с президентом либо уже занимают ответственные посты либо не пользуются доверием Назарбаева. Очень показательны в этом отношении дела Куандыка Бишимбая, обвиняемого в получении взяток в большом размере в период работы в качестве председателя правления Национального управляющего холдинга «Байтерек», а также экс-замруководителя администрации президента Баглана Майлыбаева по обвинению в «незаконном соборе, распространении и разглашении государственных секретов». Примечательно, что на его должность и был назначен Тажин, что в условиях высокой конкуренции на внутриполитическом пространстве страны, как минимум рассматривается странным совпадением.

Между тем, экспертное сообщество говорит о конституционной реформе в стране, которая предположительно будет иметь место к середине этого года, при этом необходимо отметить, что Назарбаев упомянул о ее возможности в ходе торжественного заседания в честь 25-летия независимости республики в минувшем декабре. Однако какие именно поправки нам необходимо ждать? В первую очередь, представляется логичным совершение поступательных шагов навстречу

формальной либерализации политического пространства, что тем не менее не будет говорить о ее фактическом изменении. Протестные настроения, произошедшие в прошлом году и носившие республиканский масштаб, акты терроризма, попытка захвата власти обнажили проблемы государственного характера и показали отсутствие аналитико-информационного сопровождения процесса принятия решений: никто не был готов к такому развитию событий, отсутствовала оперативная информация предупреждающего характера. Во-вторых, это во многом стало сигналом суперпрезидентскому режиму, так как именно Назарбаев является инициатором поправок в Земельный кодекс, ставших причиной народного недовольства. В-третьих, ожидаемо, что президентский арсенал полномочий будет частично распределен между парламентом и правительством, к примеру положение о регулярной отчетности членов правительства перед парламентом страны (по примеру Кыргызстана, чей опыт очень положительно воспринимается в социально-политической сфере республики) для обеспечения политической транспарентности перед населением, а также плюрализма политico-экономических решений.

В вопросе перераспределения полномочий между ветвями власти довольно логичным было бы полагать, что многие аспекты современного функционирования правительства, президента и парламента останутся на своих местах, т.к. именно Назарбаев является конечной инстанцией принятия решений: правительство подотчетно президенту, в парламенте заседает пропрезидентская «Нур Отан», уровень влияния

президента остается на недосягаемом уровне.

Рассматривая же эти реформы в свете их влияния на будущий транзит власти в стране, можно отметить следующее: предполагаемое усиление парламента (и скорее всего усиление роли Дариги Назарбаевой) даст президенту возможность дать своего рода «кард-бланш» политическому большинству определять определенные аспекты социальной (в меньшей степени экономической) сферы государства. Причем сам Назарбаев будет оставаться в стороне и в случае каких-либо провалов парламентской деятельности на этом направлении (что в большей степени вероятно) и их отголоски дадут Елбасы повод для критики не только отдельных партийных функционеров, но парламентаризма в целом. С другой стороны, возможен также и вариант, что усиление парламента и дочери президента Дариги будет означать качественное изменение парламентской деятельности в государстве и параллельным выдвижением Дариги Назарбаевой на более ответственные посты.

Иными словами, политическое пространство Казахстана подлежит косметическим изменениям, которые по сути будут направлены на стратегическое укрепление клановой власти в стране. Во многом это отвечает требованиям geopolитической конъюнктуры в регионе. В свете возможных изменений отношений между Россией и США после прихода к власти Д. Трампа Казахстан будет мерить на себя роль переговорщика по налаживанию отношений между Москвой и Вашингтоном. Немалая роль в этом процессе будет отводиться разработке внешнеполитической стратегии с учетом изменяющихся обстоятельств, которая

также будет исполняться с участием Марата Тажина. По всей видимости, от того как Тажин справиться со своей ролью по разработке вменяемой информационной кампании и задачами по разработке среднесрочной внешнеполитической линии будет зависеть не только его дальнейшая карьера, но также и дальнейшее будущее режима.

Протесты нефтяников в Казахстане: некоторые особенности.

Последняя забастовка нефтяников в г. Актау была спровоцирована ликвидацией казахстанским судом Конфедерации независимых профсоюзов РК (КНПРК). Несколько сотен сотрудников нефтесервисного предприятия Oil Construction Company, выступили с требованиями к областной администрации о восстановлении их прав путем отмены закрытия КНПРК.

В самый пик развития забастовки, которая трансформировалась в голодовку, число бастующих доходило до тысячи человек. Несмотря на массовость протеста, а также его специфичность (нефтяники в нефтеносных районах страны), что вполне могло грозить еще большим масштабом, городские власти Актау и местные судебные власти не пошли на удовлетворение ни одного из требований протестующих, среди которых были: восстановление профсоюза, доплата за переработку в ущерб здоровью, восстановление на рабочие места ранее уволенных сотрудников. По мнению рабочих руководство предприятия систематически нарушает права работников, и теперь, с ликвидацией профсоюза, защищать права просто некому. Само же казахстанское руководство выступило с категорическим отказом устанавливать диалог с голодющими, не предоставляя возможности для усомниться в правильности решения казахстанской судебной власти.

19 января 2017 власти признали акцию незаконной, но голодовка продолжалась вплоть до задержания двух главных активистов – главы профсоюза работников Oil Construction Company Амина Еле-

усинова и инспектора по труду этого профсоюза Нурбека Кушакбаева, которых увезли в СИЗО Астаны, где они проведут еще 2 месяца. После выяснения следствием лиц, возглавлявших забастовку, суд Мангистауской области уволил 4 сотрудников, а 28 рабочих обязал выплатить ущерб компании Oil Construction Company в размере 10,5 тыс. долл. США, который компания понесла в ходе голодовки рабочих.

Напомним, что с принятием в Казахстане Закона «О профсоюзах» (2014г.) и поправок к Трудовому и Уголовным Кодексам (2015г.) были введены методы регулирования трудового слоя общества, предполагавшие введение уголовной ответственности за ведение незаконных акций. Согласно законодательству главная проблема в организации стачек – это то, что они могут быть признаны незаконными в результате чего, участники акций автоматически налагаются административными штрафами и дисциплинарными взысканиями, а лидер профсоюзной организации или ячейки может быть осужден на срок от 3 до 5 лет. Казахстану были представлены рекомендации западных партнеров (Международной организацией труда в частности), которые были призваны унифицировать подходы стран-членов МОТ к трудовому законодательству на соответствие Международному пакту о гражданских и политических правах, Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах. Однако в свою очередь, Казахстан их проигнорировал и не стал внедрять поправки в законодательство, чем вызвал недовольство остальных государств-членов. Руководство республики, по сути, произвело чистку трудовой сферы для консо-

лидации основных рычагов давления у государства: были оставлены дееспособными только провластные крупные рабочие объединения. Остальным как и в случае с КНПРК было попросту отказано в регистрации региональных офисов, что приводит к их дальнейшей ликвидации. При этом главный удар пришелся на независимые объединения, которых было закрыто порядка 500 единиц.

В этой связи, встает вопрос, почему бастуют именно нефтяники, а не медработники, педагоги и др.?

По нашему мнению, это обусловлено следующими факторами.

Во-первых, по некоторым данным в западных районах страны за первые полгода 2015 г. было проведено около 28 забастовок нефтяников. Главными претензиями бастующих являлись увеличение заработной платы. Так, основаниями для этих претензий стало следующее: в 2014 г. в среднем заработка рабочих нефтедобытчиков составляла около 130 тыс. тенге (курс 180-185 тенге за 1 долл. США на 2014 г.) с разовой выдачей премии в размере 20 тыс. тенге в конце года. В то же время, китайские (и другие иностранные) рабочие в зависимости от своей квалификации и должности получали от 600 000 тыс. тенге до 3,5 млн. тенге, помимо этого существовали ежемесячные бонусы в размере 50% от оклада, а в конце года рабочие получали еще 100% от оклада в качестве премиальных. Все эти условия поддерживались возможностью уходить в отпуск до 90 дней в году. Прожиточный минимум в западных областях страны выше чем во всех остальных регионах, так Мангистауская область является самой «дорогой» в республике и опережает даже Астану и Алматы по показателям.

Во-вторых, важным фактором является деятельность НПО в этих областях. В республиканском разрезе западные области Казахстана находятся последними в списках по количеству НПО. Однако главной отличительной особенностью их деятельности является полная концентрация НПО на правах рабочих и основных прав человека. Основными заказчиками подобных исследований и тренингов с рабочим классом выступают «Freedom House», «National Demotracic Institute», «USAID», посольство США в РК в партнерстве с местными НПО (Эко Мангистау, ОЮЛ «Гражданский альянс Мангистауской области», ОЮЛ «Гражданский альянс Атырауской области»). Однако в силу опасной для НПО конъюнктуры их имена не афишируются для широкой публики, а сотрудники выступают в качестве полевых сборщиков информации. На примерах большого количества иностранных рабочих, задействованных на предприятиях международных инвесторов, местному населению демонстрируется разница в отношении работодателей к иностранной и местной рабочей силе. Тем не менее, для объективности необходимо отметить, что уровень образования и квалификации местных рабочих в среднем невысок, они занимают рядовые должности бурильщиков и низшие технические должности, что делает их зарплаты по сравнению с остальными не такими привлекательными, но не дает повода для НПО прекращать свою работу.

Тем временем, социально-экономический контраст между слоями общества обуславливает постепенную радикализацию коренного населения западных регионов Казахстана в отношении иностранцев, своих работодателей, государства в целом,

которое не стремится к защите своих граждан. Внешний эффект последней голодовки нефтяников и ее разгона был предсказуем: Human Rights Watch объявила решение суда незаконным и нарушающим конституционные права рабочих. Аналогичная реакция была высказана HRW еще в ноябре 2016 г., которая была представлена в виде небольшого отчета, в котором критиковались действия Акорды. Вместе с этим, в этих отчетах оспариваются действия Казахстана, как страны-члена Международной организации труда (МОТ), а также как страны, претендующей на вхождение в Топ-30 стран мира, Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в частности. С целью консолидации нефтяников Западного Казахстана, НПО и западные работодатели ищут пути обхода казахстанского законодательства относительно запрета на независимые профсоюзы для последующей трансформации трудового законодательства.

В-третьих, деятельность поддерживаемых иностранными силами гражданских НПО поддерживается деятельностью религиозных салавитских движений, которые вносят еще больший вклад в обострение противоречий в обществе. Религиозные идеи и обещания справедливости в следующей жизни укрепляют население в мысли, что нынешнее государство и весь современный уклад жизни является несправедливым по отношению к каждому в отдельности индивиду, бренным в материальном мире. Элементарная невозможность государства контролировать абсолютно все процессы в стране дают почву для размышления, что властям безразлична судьба населения, их чаяния и потребности. С другой стороны, попытки государ-

ством взять под контроль ту или иную сферу жизнедеятельности, пусть даже не совсем мягким способом, приводит к аналогичной негативной реакции, которую мы наблюдаем в случае с ликвидацией независимых профсоюзов.

Довольно интересен также факт, что салафизм проникает не только в умы простых обывателей, но особенно популярен среди криминалитата, в местах лишения свободы, а также среди рабочих тяжелой промышленности, в частности нефтепромысла (т.к. западные регионы в основном нефтедобывающие). Населением, организуются своего рода ОПГ, чьи интересы лежат в нефтедобыче, рыбном промысле, логистике, морском транспорте и т.д. Примечательным тому доказательством служит арест в декабре 2016 г. группы салафитских бандитов, промышлявших незаконным оборотом нефти, деятельность которых брала свое начало с 2009 г. Стоит отметить, что до своего ареста группа сотрудничала с алматинской ОПГ «Четыре брата», лидеры которой также придерживаются салафитского ислама. Отсутствие религиозного контроля и мониторинга становится причиной для абсурдных решений некоторых местных салафитских общин г. Актобе и г. Атырау, которые через посредничество местных богословов добились фетвы о том, что распространение и употребление легких наркотиков не является грехом, так как дает жизненные силы в борьбе с неравноправием и несправедливостью в современном мире. Это в свою очередь вскрывает совершенно иной, возможно транснациональный характер деятельности салафитских джааматов.

В-четвертых, наиболее важным моментом в этой череде рассуждений является геополитический, геостратегический фактор. Казахстан и его западные регионы, сами по себе важны, но рассматривая ситуацию в более системном и объемном ключе очевидно, что это лишь «верхушка айсберга», а его основное «тело» кроется в доступе ко всему Каспийскому региону и получения точек давления на всех без исключения игроков в регионе, главными из которых являются Россия и Иран. Основными игроками, заинтересованными в дестабилизации выступают те же стороны, что и раньше – США, Саудовская Аравия, Катар, Израиль.

Принимая во внимание эти факторы, становится очевидным, что радикализация населения западных областей Казахстана в социально-экономическом и религиозном аспекте дает мультиPLICATIONНЫЙ эффект давления на внутреннюю политику и процесс принятия решений. Нефтяники, являясь профильным и многочисленным рабочим классом западных регионов, по нашему мнению, будут в среднесрочной перспективе дополняться работниками других сфер промышленности, к примеру металлурги центральной части страны, зарплаты и условия работы которых на порядок хуже чем в нефтедобыче. Аналогичные инициативы будут прорабатываться и в других сферах жизнедеятельности. Власти осознают высокий риск реализации этих дестабилизирующих акций и идут на превентивное снятие напряжения, которое было выдвинуто президентом Назарбаевым в ходе его последнего обращения к народу и обещания педагогам и медикам, а также госслужащим (три наиболее обширные

сфера занятости в стране) о грядущем улучшении условий труда.

Промышленность между тем, несмотря на ее приоритетное для Казахстана значение остается на второстепенном плане для государства, что дает основания для большего политico-экономического воздействия на государство со стороны внешних игроков. В зоне интересов вышеперечисленных геополитических игроков находятся не только гарантированный доступ к энергоресурсам по заключенным контрактам, но также долгосрочное установление нестабильного режима (по принципу стран Магриба, Судана и Анголы) для более глубокого проникновения в энергосектор с меньшими финансовыми затратами и вытеснения других игроков. При этом, надо понимать, что Каспийский регион, как известно, является не только зоной богатой на энергоресурсы и логистическим хабом, но также представляет собой высокую военно-политическую ценность для геополитических акторов. Традиционно роль «главного» в регионе была закреплена за Кремлем, однако последние неудачи России на мировой арене, в нефтегазовой сфере со странами каспийского региона делает возможным занятие этой ниши транснациональными корпорациями КНР и стран Запада, а также реализацию энергопроектов в обход России. Снижение экономического российского влияния на Каспии делает возможным также и развитие логистических мощностей не в пользу России, к примеру: грузооборот казахстанского порта Актау на Каспии составляет 17 млн тонн наливных и сухих грузов в год (увеличение до 25 млн. т.); грузооборот порта в Туркменбаши — около 9 млн тонн в год (увеличение до 17 млн т.); Баку

— 5 млн. т. с увеличением 10-11 млн. т.; Бендер-Энзели — обрабатывает более 7 млн тонн; три российских порта на Каспии — Астрахань, Оля и Махачкала — за 2015 год перегрузили только 6,7 млн тонн грузов (на 15,8% меньше, чем в 2014 году). Таким образом, один из главных каспийских гигантов постепеннонейтрализуется «мягкой силой» и крупными финансовыми вливаниями, которые вытесняют российский капитал из Каспия. Контрагументом является мощная флотилия российского ВМФ, а также возможное применение грубой силы при возникновении спорной ситуации, как к примеру precedents в Осетии и Крыму.

Основываясь на этих аспектах, становится очевидным, что западный Казахстан прошел точку невозврата, а государство уже не в состоянии мониторить и тем более контролировать религиозные процессы и неофициальную деятельность НПО, гражданского подполья в регионах. Эти утверждения определяют контуры возможных рисков в нефтегазовом сотрудничестве с Казахстаном стран, не входящих в число стратегических союзников Вашингтона.

Узбекско-турецкие консультации и перспектива развития отношений с Узбекистаном

Министр иностранных дел Мевлют Чавушоглу 25 апреля 2017 года посетил Узбекистан с целью придания более позитивной динамики политическим отношениям между двумя странами. Республики на сегодня имеют довольно неплохой уровень торгово-экономических отношений, выражющийся в 1.2 млрд. долл. США ежегодного оборота, однако как считают в Анкаре эти показатели неполные и имеют неплохие основания для последующего роста.

Отношения между Турцией и Узбекистаном эпохи Каримова находились на низком политическом уровне. В Турции осознают региональный потенциал Узбекистана, отношения с которым были испорчены после того, как Мухаммаду Салиху было предоставлено политическое убежище официальной Анкарой в начале 90-х. К тому же, на фоне этого похолодания после организации серии терактов в 1999 г. в Узбекистане, Ташкент обвинил Салиха в подготовке взрывов и потребовал его экстрадиции, на что получил отказ. Сразу же после этого в Узбекистане были запрещены все турецкие лицеи корпорации «Хизмет», а последователи Фетхуллаха Гюлена были объявлены вне закона. Все соглашения в образовательной сфере были аннулированы в 2008 г. в одностороннем порядке, в 2011 г. были закрыты и конфискованы в пользу государства несколько крупных торговых центров «Туркуаз». Власти были предъявлены обвинения турецким бизнесменам в экономических преступлениях, вследствие чего они были депортированы из страны. Немногим позже были запрещены к

трансляции некоторые турецкие сериалы, что стало практически финальным рубежом и сигналом Каримова о нежелании иметь что-либо общее с Турцией. Таким образом, на момент смены власти в стране осенью 2016 г. Мирзияев получил в наследство тяжелый багаж турецко-узбекских отношений и пространство для осознания какое место и роль может быть отведено турецкому внешнеполитическому вектору Ташкента. Отметим, что турецкое руководство после кончины первого президента Узбекистана резко активизировалось, что вылилось в визит главы Турции Реджепа Эрдогана в Ташкент для прощупывания настроения новых узбекских властей. На встрече оба президента договорились о привлечении турецких туристических компаний для участия в строительстве туристических комплексов в Узбекистане, были обсуждены вопросы сотрудничества в переработке сельхозпродукции, создании предприятий в текстильной промышленности, а также обговаривалось проведение заседание межправительственной комиссии и проведение под его эгидой двустороннего инвестиционного форума в Ташкенте в 2017 г.

Отметим, что на фоне поиска и мониторинга Узбекистаном своих стратегических внешнеполитических направлений, Анкара стремится войти в список партнеров Узбекистана. Этому способствуют крупнейший в регионе потребительский рынок, энергетический потенциал Ташкента, новая власть, а также отход от прежних устойчивых паттернов взаимодействия с внешним миром, в основе которых сегодня лежат pragmatичная и выверенная политика интересов, а не субъективных мотивов как во времена Каримова.

Шавкат Мирзияев на сегодня провел политические консультации с основными партнерами в числе которых Туркменистан, Казахстан, Россия и в начале мая, как сообщают СМИ, состоится визит в Китай, призванный окончательно расставить все точки над «и» во внешней политике Узбекистана.

Какие интересы преследует Турция в Узбекистане? В первую очередь, Анкара стремится к отмене виз для своих граждан и установлению беспрепятственного сообщения между странами, что будет также способствовать перемещению капитала и человеческих ресурсов. Турция желает восстановить свои позиции, утерянные во времена заморозки узбекско-турецких отношений. К тому же, это происходит на фоне разочарования политикой Запада в адрес Турции (отсутствию необходимых точек соприкосновения в разрешении сирийского вопроса и стратегически важных для Турции интересов), демонстрируемой на протяжении последних нескольких лет и едва ли не вылившейся в государственный переворот в Турции с участием религиозных, военных, педагогических кругов. Как известно эти события привели к переориентации внешней политики Анкары. Растущая волна исламофобии и антииммигантской политики показывает, что в Европе не хотят мириться с засильем мигрантов и их влиянием на социально-политические процессы. На фоне этих событий Турция со своим авторитарным режимом, а также непосредственной вовлеченностью в урегулировании вопроса беженцев с Сирии остается одной из крайней сторон, в связи с чем антитурецкая риторика звучит все чаще в западноевропейских странах. Выходом из этого положения Турция ви-

дит в политическом давлении на ЕС, а также компенсации своих внешнеполитических интересов за счет пантюркистского направления (Центральная Азия), поиска партнеров в антизападном блоке. Налаживание отношений с Узбекистаном в данном контексте имеет под собой большее основание, чем необходимость установления двустороннего сотрудничества.

Очень важным фактором расширения восточного направления турецкой внешней политикой является также экспорт опыта Партии справедливости и развития, своего рода экспорт «турецкой демократии». Симбиоз ислама и власти турецкой модели на протяжении долгого периода времени воспринимается очень позитивно в постсоветских странах с довлеющим числом мусульман в обществе. Следуя законам экономической теории «спрос порождает предложение» - Турция хотела бы выступать культурно идеологическим центром не только в аспекте пантюркизма, но также и в прикладном политическом ключе. Каримовский Узбекистан в этом случае действовал более pragmatically, чем к примеру Кыргызстан или Таджикистан, Ташкент до сегодняшнего времени попросту закручивал гайки, не оставляя пространства для маневров. Сегодня, новое руководство наоборот освободило из тюремного заключения около 40 тыс. человек, в числе которых также осужденные по обвинению в терроризме, что вызывает определенную тревогу относительно политической стабильности в среднесрочной перспективе. Турецкие наработки, по нашему мнению, могли бы быть полезными Узбекистану в период транзита власти.

Немаловажную роль играет в достижении своих интересов и религия. Общество Узбекистана как известно очень религиозно и восприимчиво к процессам, затрагивающим вероубеждение. В стране много послователей суфизма, что объединяет турецкую и узбекскую стороны, а также много суфийских святынь, дорогу к которым Анкара хочет открыть для своих граждан. Более того, ислам суфийского толка имеет прочные позиции на юго-западе и западе Узбекистана, суфийские братства и в частности орден Накшбандия влиятелен и располагает чиновниками высокого ранга официальной власти как в Узбекистане, так и в самой Турции. Согласно экспертным оценкам президент Эрдоган сам является последователем этого ордена, что накладывает определенный отпечаток на дальнейший ход действий.

Таким образом, очевиден один из механизмов реализации турецких интересов, который ко всему прочему отличается миролюбивой риторикой и отрицает радикализм и экстремизм, проповедующийся в современном мире иностранными религиозными миссионерами. Большое число узбекских студентов, выступивших из турецких университетов, также составляют необходимый общественный кластер способный продвигать и популяризировать турецкий вектор развития. В качестве дополнительного, но не самого решающего фактора необходимо отметить позитивный имидж самого Реджепа Эрдогана в Узбекистане, который воспринимается обществом как взвешенный, прагматичный и в меру жесткий политик.

Как уже и упоминалось выше скоро должен состояться визит президента Узбекистана в Китай, кото-

рый должен подтвердить все узбекско-китайские договоренности по энергетическому, промышленному, сельскохозяйственному (частично, в основном экспорт хлопка) взаимодействию и, по всей видимости, расширить свое торгово-экономическое сотрудничество за счет новых контрактов. Рассматривая ситуацию в целом, то становится очевидным, что Узбекистан визитами своего нового президента совершил основные стратегические ходы в отношении долгосрочного партнерства на евразийском континенте. Как и предполагалось вначале установления новой власти приоритетные направления внешней политики были отданы странам, находящимся в непосредственной близости и, соответственно в натуральной зоне взаимных интересов, а также имеющим культурно-историческую общность. Многовекторная политика продолжает оставаться главным инструментом взаимоотношений с внешним миром, а прагматичность команды Мирзияева состоит в том, что Узбекистан четко разделяет сферы сотрудничества между векторами, стараясь не допускать перекрецывание национальных и зарубежных интересов. К тому же, приоритет политики Ташкента, как и прежде, отводится двусторонним отношениям. Региональный гигант является полной противоположностью Казахстана, который стремится к участию на любой мировой площадке и старается дружить со всеми странами. Эпоха правления Каримова не прошла бесследно и, по всей видимости, еще несколько лет будет определять формат взаимодействия узбекских властей с внешними партнерами. Во многом это делает подходы Туркменистана и Узбекистана очень похожими, что было также продемон-

стрировано особым вниманием и по-чтением двух президентов друг к другу. Остальные вектора сотрудничества, как показывает анализ, также не будут обделены вниманием, однако очевидно, что Ташкент не допускает поспешности в своих переговорах и стремится к обстоятельному диалогу со своими партнерами.